

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

ЗАПИСКИ АНЕСТЕ- ЗИОЛОГА

ТОП-БЛОГ
LIVEJOURNAL

FUNUS
FESTUS

Александр Е. Иванов
Записки анестезиолога
Серия «Звезда соцсети»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28530154
Записки анестезиолога / Иванов А. Е.: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107337-4

Аннотация

«Записки анестезиолога» – это сборник уникальных историй из жизни врачей. Тех, кто ежедневно сталкивается с критическими состояниями, когда рядом могут быть боль и радость, горе и смех. Однако тут вы не найдете историй о героической работе, о спасенных человеческих жизнях. Если вам в жизни везло, и вы никогда не сталкивались с подобным, то все это покажется вам каким-то фантастическим бредом. Но поверьте, это постоянно происходит в реальной жизни, а описанные персонажи живут где-то рядом, пусть в каком-то параллельном с вами мире. Жизнь порой фантастичнее вымысла.

Смело берите книгу в руки, и читайте от корки до корки, каждая страница будет увлекать вас сильнее, а вопрос: «Да ладно?» – будет преследовать вас в каждом абзаце.

Содержание

Вместо предисловия	5
Инсульт старого комсомольца	7
День медработника	10
Несостоявшийся номинант на премию Дарвина	14
Мои встречи с Лениным	18
Паралимпийские игры	33
Изгнание бесов	40
Законы стаи	43
Введение в специальность	45
История ко дню Святого Валентина	47
Случай на Сенной	48
Странный народ – хирурги	53
Дамба	57
День любви, семьи и верности	63
В гостях у Сальватора Дали	66
Диспансеризация	69
Семейные ценности	82
Эндокринология	85
Доброе утро	89
Соловки	95
О геополитике	100
День Военно-морского флота	102
Итоги года	106

Александр Иванов

Записки анестезиолога

Вместо предисловия

Вашему вниманию предлагается сборник рассказов из жизни рядовой районной больницы. В него вошли истории, записанные со слов действующих и бывших коллег по работе, знакомых врачей и тех, кто имеет какое-то отношение к медицине. Вынужден предупредить: большинство историй, как были рассказаны, так и записаны от первого лица. Это совсем не означает, что автор был непосредственным участником или даже свидетелем. Однако все описываемые ситуации правдивы и имели место в действительности. Исключением могут быть только изменение имен, дат и незначительных обстоятельств.

Поскольку автору хотелось как можно точнее передать устную речь рассказчиков, в тексте, кроме вольной пунктуации, присутствует большое количество непечатной лексики. Та, что не несет никакой смысловой нагрузки, а служит лишь как вспомогательная части речи, по возможности убрана. Но полностью избавиться от нее не удалось. Этот вопрос отдается на усмотрение редактора, печатать текст без купюр, ставить многоточия или искать подходящие синонимы.

Право выбора названия также отдано на усмотрение редакции. Издатель лучше знаком с конъюнктурой рынка и читательским спросом. Но, как бы ни была озаглавлена книга, пусть это будут «Записки врача-психопата» или «Скальпель в руке маньяка», откройте ее. Если, конечно, вас интересует то, что реально происходит в нашей медицине и вокруг нее, а не те фантазии, которые нам показывают в бесконечных телесериалах или пытаются изобразить различные последователи как советского реализма, так и постмодернизма. Возможно, книга заинтересует тех, кто устал от обилия сентиментальной прозы на книжных прилавках. Потому что здесь – реальная жизнь, реальные истории, рассказанные реальными людьми.

Придумать название для книги далеко не так просто, как кажется, иногда бывает даже сложнее, чем написать саму книгу. Поэтому автор благодарен издательству, взявшему на себя этот труд. В жизни приходилось сталкиваться с трагическими случаями, когда то или иное эпохальное произведение не смогло озарить нас своим светом, когда его создателю не удавалось излить на благодарных читателей накопившуюся за долгую жизнь мудрость, поделиться с грядущими поколениями своим бесценным опытом по одной простой причине: не удалось придумать название, достойное масштаба произведения. Пожалуй, с одного такого примера мы и начнем.

Инсульт старого комсомольца

Восьмидесятые годы, конец советской эпохи. Один из ее прежних активных деятелей, уверенный, что оставил свою неизгладимую царапину в истории своей родины, старый хрен-коммунист, решает писать мемуар, желает донести до грядущих поколений свой бесценный опыт. Поделиться мудростью уходящих поколений. На столе лежит увесистая рукопись, стопка машинописных листов, готовая к отправке в редакцию. Осталось подобрать заголовок. На верхнем листе бумаги варианты. «Воспоминания старого комсомольца». Как-то шаблонно, не годится. Перечеркнуто. «Исповедь старого комсомольца». Опять что-то не то, не понравилось, зачеркнуто. Дальше шло: «Пережитое старым комсомольцем», «Откровения старого комсомольца», «Былое. Исповедь старого комсомольца». И так до конца страницы. Ни одно из названий не удовлетворило автора. Умственные усилия перенапрягли разум, в мозге случился инсульт. Естественно, «Скорая», спасите! Знали бы вы, какой это человек! Старый комсомолец, обоссавшись, валялся у стола на полу и мычал. Рядом щебетала доктор из Свердловки, примчавшаяся на вызов раньше городской скорой.

– Николай Иванович, что с вами? Вам плохо?

Комсомолец, голосом позднего Леонида Ильича, отвечал по-партийному кратко:

– Пошла ты на х...!

Та ко мне:

– Доктор, а что с ним, почему он ругается?

– А вас что, в первый раз на х... послали? Обычный инсульт-привет. Давайте грузить, отвезем в больницу. Если пропуск у него есть, то в Свердловку, если нет, то в нашу, народную.

Пропуск, естественно, был. Пропуск в больницу четвертого управления старые коммунисты берегли, как партбилет. Даже не как партбилет, гораздо бережней. Что давал партийный билет пенсионеру? Очень многое, но далеко не все. Он давал право присутствовать на партийных собраниях в красном уголке ЖЭКа, активно участвовать в партийной жизни своей первичной ячейки. Давал право обратиться в любой партийный орган, вплоть до ЦК и лично к его генеральному секретарю. Только зачем? А пропуск в «Свердловку», больницу четвертого Главного управления Минздрава, где лечилось все руководство страны, ее лучшие представители, давал право на более-менее достойное медицинское обслуживание для всей семьи. Пока родня снимала обоссанные штаны и заворачивала старого комсомольца в одеяло, я внес свое предложение. Перечеркнув лист с неудачными вариантами, написал поперек титульного листа: «Инсульт старого комсомольца». Так я и не узнал, вышла рукопись в свет или осталась в семейном архиве. А если и вышла, то под каким названием. Мне казалось, что мое название было наиболее под-

ходящее. По крайней мере, окончательная точка в рукописи была поставлена. Через пару недель в газете «Ленинградская правда» наткнулся на некролог со знакомой фамилией: Обком КПСС, президиум исполкома Ленсовета и пр., пр. с глубоким прискорбием сообщали о кончине выдающегося, видного и заслуженного деятеля, память о котором навсегда сохранится в наших сердцах.

День медработника

Удостоен к празднику, к дню медицинского работника почетной грамоты, как написано – за самоотверженный многолетний труд. Приятно, а самое главное – бумага плотная. Пригодилась вечером для разделки копченой скумбрии к пиву. На собрание не пошел, грамоту после концерта притащил заведующий.

Главврач со своей свитой загоняет коллектив на торжественное собрание.

- Пойдемте, вам – обязательно, вас награждать будут.
- А с чего это собрание, да еще в пятницу?
- Так праздник, День медработника!
- А мы разве медработники? Мы же теперь сфера обслуживания. Где-то в конце июля, кажется, должны отмечать.
- Вам бы только иронизировать, все, хватит, пошли.
- А в лавке кто останется?
- Если чего – позовут. Там ненадолго. Сначала собрание, потом концерт, потом спортивный праздник, а вечером ресторан. В ресторан пойдете?
- Я не член профсоюза. Мне дорого.
- Ну это добровольно, кстати, все оплачено, ну а в концерте принять участия нет желания? Спеть там чего? Приз получите.
- Не, это я раньше мог. Сам, конечно, не помню, но го-

ворили, что песню про красных кавалеристов любил спеть или эту, как ее, про белую гвардию, черный барон... Давно уже не пою, все, завязал, здоровье не позволяет. А кстати, аккордеона у нас нет? А то мог бы что-нибудь исполнить, какие-нибудь страдания. Приходи Маруся с гусем...

– Аккордеона нет! Ну а просто прийти послушать? Ребята готовились.

Готовились, слышал всю неделю, как за стенкой хор мальчиков репетировал, столы в ординаторской тряслись.

– Не люблю я самодеятельность. Я за профессионализм в любом деле. Вот, к примеру, даже ежели приходится выбирать между шлюхой и блядью...

– А это, интересно, вы к чему?

– Просто блядей не люблю. Предпочел бы профессионалок.

– Слушайте! Надоели вы со своими шутками, можете не ходить. Только праздник испортите.

А где тут шутки? И в мыслях не было. Опять, кажется, как-то не так меня поняли.

– А что за спортивный праздник? Это что-то новое.

– Как что за праздник? Вы разве не слышали? Новый глава районной администрации устраивает, специально для нас.

Слышал, что глава у нас новый. Решил обеспечить спонсорскую поддержку, захотел познакомиться с народом, так сказать, в неформальной обстановке. (После спортивного праздника предусматривался обед.)

– А куда прежний делся?

– Ну, вы понимаете, в районе такая обстановка...

– Понятно, значит сел, работа такая, так и не наладил контакта с электоратом. Даже имени его никто не успел запомнить, я о новости прочел в местном таблоиде, а чего сняли – не написано. Так и так, такой-то, как положено, освобожден от обязанностей... возбуждено... избрана мера пресечения... Что-то там, кажется, связано с продажей под коттеджи земель, принадлежавших воинской части?

– Да, там были нарушения, но я лично с ним знаком, это кристально честный человек, все обвинения против него – это ложь.

– Так никто не сомневается, конечно, честный. Так бы им и остался, не вспомни танкисты неожиданно про боевую подготовку, пришли на маневр, а на их полигоне дома построены, люди живут. Забавно. Жители от страха чуть не обделались, правда, рассказывали, что танкисты вели себя тактично, просили не беспокоиться. Мы тут мимо прокатимся, тихонечко постреляем, а дома постараемся не повредить, такой команды не было. А когда будет? Ну когда будет, тогда и будет, а пока не волнуйтесь, отработка действий по захвату населенного пункта противника в ближайшие планы не входит. Но подробностей никто не выяснял, не интересно это, бывало и повеселей. Только потом у нас половина реанимации была забита этими жителями, сердце... У кого инфаркт, у кого криз. Не знаю, въехал бы ко мне во двор танк, как

бы я отреагировал. Кстати, а желающих много, в спортивном празднике поучаствовать?

– Да нет, не много, приходите. Вы же, кажется, спортом занимались?

– Занимался. Я бы рад и могу, еще как могу, только вот одна мелочь, она не позволит принять участие в атлетических соревнованиях. Сами знаете, последний год я вынужден принимать гормональные препараты, так что никакой допинг-контроль не пройду. А вдруг куда-нибудь прибегу в призерах, зачем вам допинговый скандал? Тут даже справка от врача не поможет, что пью стероиды не ради спортивных побед. Вот был бы там русский бильярд, тут бы я мог показать результат. Там допинг-контроля нет. Или в домино. Но они же в нашу олимпийскую программу не включены. Да и на бильярде, если играю, исключительно на деньги, раньше мог на коньяк, а на интерес не привык, воспитание не позволяет. Так что лучше сразу перейти ко второй части программы. В ресторан.

– Ну смотрите, захотите – приходите. И не дай бог опять в парке всем отделением напьетесь, как в прошлый раз.

– Гарантирую – проблем не будет. Пути эвакуации продуманы. Будет закуска. Так что с праздником!

Несостоявшийся номинант на премию Дарвина

Новый год встречаем без снега, за окном дождь. В палатах шелестит генетический мусор, занесенный еще осенними ветрами. Кто-то ловит мух, кто-то уже не ловит, силы остались только на то, чтобы хватать руками невидимые нам окружающие предметы. Мусситирующий делирий. Со стороны кажется, что человек занят поисками ключей от рая. Но никто, никто почему-то не желает избавлять популяцию от своего генотипа, не просто, а так, чтоб остаться в народной памяти, чтоб можно было номинироваться на премию Дарвина. Обычные суициды не в счет, уксусная кислота, веревка, прыжок с балкона. Нет поиска. Вот только показалось, наконец, попался достойный кандидат, вернее, кандидатка, но молодец, к счастью, выжила. Удушение оказалось не смертельным. Очередной несостоявшийся претендент на премию Дарвина.

«Скорая» под вечер привозит девушку. В направлении диагноз: «Механическая асфиксия, повешение под вопросом. Запах алкоголя». Выражение «Запах алкоголя» пишется деликатно, даже если клиент пьян до безумия. Поставить диагноз «Алкогольное опьянение» может только специалист, нарколог. Простым врачам это запрещено. На шее, как поло-

жено, яркая странгуляционная борозда. Странные ссадины на руках, словно пыталась в последний момент выбраться из петли. Маловероятно, редко кому это удастся. Кто-то удерживал руки? Спрашиваю у доктора:

– А почему повешение под вопросом? Что, неизвестно, вешалась или душили?

– Да нет, – говорит, – вроде вешаться не собиралась. И душить ее никто не душил. Да и кто ее, корову, задушит? Говорят, какими-то трусами чуть не удавилась, я подробно не выяснял, мне пох...

Доктор не молод, давно перестал интересоваться деталями.

– А откуда привезли?

– Из торгового комплекса, магазин одежды. Нашли ее там, в примерочной кабинке.

Просыпается интерес. Из одежды на теле, извиняюсь за подробность, одни красные трусики-стринги, которые разглядеть можно спереди – приподняв жировую складку на животе, а сзади, только если удастся вдвоем раздвинуть ягодичы. Интерес крепнет, вопросы накапливаются, но приходится ждать, когда придет в сознание, выясним. Пока полежи, отдышись.

На утро дышит самостоятельно, пришла в сознание. Вытаскиваю интубационную трубку. Откашляйся, молодец.

– Пришла в себя? Говорить можешь?

Кивает в ответ.

– Ну давай, рассказывай, чего тебя угораздило в петлю лезть? Жить надоело?

– Нет, не надоело, просто я на корпоратив сегодня должна идти.

– А кем же мы работаем?

– Зоотехником.

Случай все более интригует. Воображение начинает рисовать картину корпоративной вечеринки в коровнике. Тут есть простор для фантазии, но можно отвлечься от темы.

– Ну и что дальше?

– Я пошла платье новое покупать, подруга уговорила, новое такое, в обтяжечку, сидит отлично.

– Купила?

– Купила. Только у меня видите, с боков, на талии, складочки жира свисают, а в новом платье так очень заметно. А мне продавщица посоветовала, попробуйте, как она сказала, корректирующее белье, с ним платье померьте. Говорит, не пробовали? Не, говорю, не пробовала. А я сейчас дам ваш размер, примерите. И приносит мне что-то типа маечки, такую знаете, размером с рукавичку. Да думаю, как же я такое на себя натяну? А она мне говорит, не беспокойтесь, она тянется, материал очень плотный, и не сомневайтесь, это точно ваш размер, идите в кабинку, попробуйте. А я дура, ну откуда мне знать, что эта фигня снизу надевается? Руку просунула, на плечо натянула, вторую руку сую – только кисть прошла. Думаю, ладно, растяну изо всех сил, просунула в

нее голову, а дальше все, никак, бюст не дает. А она мне шею схватила, душит, и руки мне не вытянуть, а сил ее растянуть уже не хватает. Я пытаюсь, а никак. И что делать, на помощь звать? Сбегутся, а я тут в кабинке в одних труселях, а их и труселями-то назвать нельзя, я ж на вечеринку собралась. Дергаюсь и чую – конец мне, сейчас задохнусь. Слышу, продавщица спрашивает, вам там не плохо? А я уже и ответить не могу, дыхание сперло, и все, больше и не помню ничего. Нашатырь мне дают, очнулась, на полу лежу.

Действительно, неизвестно, где тебя поджидает опасность. И не надо рисковать, отправляясь на корпоратив на ферму, покупайте белье Урюпинской трикотажной фабрики. Теплое, из мягкой фланели.

– Хорошо, – говорю, – лежи, поправляйся. Дай бог тебе жениха хорошего.

Мои встречи с Лениным

– Ординатор интересуется:

– А как написать, какой уровень сознания у бабушки?

– Он разговаривает?

– Разговаривает, только несет какой-то бред. С каким-то Лениным беседует.

– Жаль старичка, симпатичный дедок. На Буденного похож. Пиши кома.

– А почему кома, он же в сознании?

– Потому что. Пиши кома, с запасом. Завтра дедок помрет, а у нас по истории получается, что он сегодня бодренький был и веселый. Ишь, затейник, про Ленина вспомнил. Скажут – недоглядели. В нашем деле уровень сознания надо оценивать с запасом, на перспективу. Помрет, ну что сделаешь, был в коме, умер. А придет в себя, значит, мы молодцы, хорошо лечили. Но это вряд ли.

– А почему он должен умереть? Мы же его только после операции взяли, понаблюдать.

– Ну, может, не завтра, но точно долго не протянет, это закон. Раз Ленина увидел, значит, конец близок. Пиши – кома. Это доказано, проверено не один раз. Можешь диссертацию на эту тему написать. Хотя, боюсь, ты опоздал, все меньше людей перед смертью видят Ленина.

– А вы сами не пробовали написать диссертацию? Были

бы кандидатом, все прибавка к зарплате.

– А зачем мне оно? Тысячу рублей за степень? Да и ту постоянно зажимают. А вообще пробовал, даже в аспирантуру поступил. Не окончил, правда. Хотя тему для работы дали вполне проходную, можно было слепить диссертацию.

– А что за тема?

– Тогда модно было новые антиаритмики испытывать. Вот мне и предложили. Фармацевты спонсировали, обеспечивали препаратом. Ну понятно, отзыв должен быть соответствующий, сам понимаешь, кто платит, тот и заказывает.

– Ну и как, получилось?

– Получилось. В первом же десятке случаев две клинические смерти и один отек легких. Слава богу, закончилось все благополучно, все выжили. Так и написал в отзыве: «Хорошее средство, при грамотном использовании годится для эвтаназии». Шутки не поняли. Потом мы, правда, занялись одной темой, интересная, кстати, сейчас методика широко применяется, но про нас как авторов никто не вспоминает. Можно заняться, пара статей нами написана, можно патент взять, но лень. А тогда разработка времени требовала, да и не поднять эту тему было без финансовой поддержки. Если помнишь – девяностые, в стране полный бардак, какая наука. А мне уже за тридцать и уже как-то смешно бесплатно работать, ради науки, мне семью кормить. Тут ведь вложения рискованные, долгосрочные, может, и пригодится степень, а может, диплом КМН ты под ножку стула подложишь.

– А самому было не интересно?

– Конечно, интересно. Жизнь интересная была, не скучная. Материала много. Но почему-то меня больше интересовали общие вопросы. Нет, не фундаментальные основы мироздания, на такие высокие цели, как изучение икоты, даже замахиваться смешно. Как писал классик: «Икота – выше всякого закона». Какой классик? Об этом потом, в следующий раз. Нет, задачи были проще, чисто практические. Вот, в частности, интересовал вопрос, почему старые маразматики перед смертью часто видят Ленина. В свое время записывал эти случаи, примеров набралось несколько десятков. Все наблюдения собрали, хотелось внести свой вклад в развитие науки. На шнобелевскую премию вполне бы стоило, за самое бесполезное исследование. Но в наши дни все это стало не актуальным, больше время тратится на то, чтобы вам объяснить, кто такой был Ильич. Ты сам-то хоть знаешь?

– Знаю, конечно. Был такой руководитель СССР, в войну.

– А в какую войну?

– Ну как в какую? С немцами.

– Ну в общем-то да, правильно. Ну, если интересно, расскажу.

Давно было замечено: если кто из идейных стариков, не важно, коммунист он, беспартийный, главное, чтобы сознание было насквозь пропитано советской идеологией, в последнем своем сенильном бреде начинал видеть Ленина – все, конец близок. И было нам очень интересно, почему ни

один из стариков после появления перед его глазам образа вождя не протягивал больше месяца. Бред с Брежневым в качестве главного персонажа длился годами, пример тому был Царь из шестой психбольницы, чью дочку, Аэлилу, по его словам, лично застрелил генеральный секретарь. Царь жил долго, ходил в короне из фольги и раздавал свои рисунки трем поколениям студентов. Хотя, его слушаешь, порой задумаешься, а кто тут нормальный? Царь постоянно рисовал, а рисовал он чаще всего Кремль, Спасскую башню с каким-то часовым механизмом внутри и объяснял:

– В Кремле десять тысяч шестеренок, все работают, но одна из них была с браком. Поэтому я здесь (то есть в дурдоме).

И над рисунком часто красовалась надпись «Велика Сибирь...». Задумаешься. Не так давно, кстати, Царь помер, жаль.

Видевших в бреде Хрущева как-то не попадалось. Мелковата фигура, сознание советскому народу не поцарапала. Ну а бреда со Сталиным я тоже не встречал, возможно, его давили в зародыше вместе с носителями.

Сам понимаешь, как движется наука? От накопления фактов к анализу. Первый факт, помню, предоставила соседка, Гуттенберг Ирина Соломоновна, интеллигентнейшая женщина, учитель французского языка, при этом идейная коммунистка. В своей квартире она хранила все подшивки газеты «Правда» с 50-х годов. В ее однокомнатной квартирке было тесновато. На заре маразма она выходила на лестницу

в нижнем белье и кричала: «Руки прочь от Фолклендов! Кому верить? Тэтчер верить? Рэйгану верить?» В знак протеста заворачивала в старинный номер «Правды» кусок дерьма и вышвыривала его в коридор с криком: «Вот вам, держите!» Покойный супруг Соломоновны был в прошлом солидным партаппаратчиком, во времена Хрущева трудился в ЦК. Бабка реально встречалась с Никитосом на банкетах, которые тот от души любил. Этим ее рассказам вполне можно было верить. Разок проговорила, что была знакома со Сталиным. Факт близкого знакомства был сомнителен, но случайная встреча на каком-нибудь собрании была не исключена. Но когда старуха заговорила о Ленине, все стало понятно. Маразм дошел до критической точки. Через пару недель заметил, что на лестнице вонять стало меньше, броски говном прекратились. Вскрыв с околоточным милиционером двери (старуха была одинока), обнаружили ее в кресле, в стадии вторичных трупных изменений. Худенькое тельце в тесном помещении высохло, по примеру любимого вождя готовилось к мумификации, поэтому запаха разложения никто не почувствовал.

Второй случай. Помню, как, разбирая книжные полки покойной бабушки, наткнулся на иллюстрированное издание, книга «Ленин и дети». С картинками, подчеркивающими скромность и непритязательность вождя в быту. Особенно нравилась фотография ленинской спальни с двумя маленькими железными шконками. Внешний вид кроватей из ко-

лонии для лилипутов не оставлял никакого сомнения в том, что детей у Ленина и Надюши быть не могло, вдвоем на такую кровать не поместиться. Отдал эту книжечку одному товарищу, говорю:

– Отнеси своей бабке, она такое любит.

Старуха родилась в пятом году, ребенком была на одном из выступлений Ильича. Утверждала, что хорошо помнит картавого, чуть ли не стоящим на броневичке. Через пару недель звоню приятелю. К телефону подходит его бабка. Представляюсь, прошу позвать внука. В ответ слышу: «Здравствуйте, Владимир Ильич! Докладываю. Живем мы хорошо...» Пришлось перезвонить по мобильнику. Спрашиваю, а чего это с ней?

– Да начиталась твоей книжки, совсем сбрендил старуха. Постоянно в мэрию звонит, жалуется. Балкон повесить требует. Доигралась, уже приходили из диспансера на нее взглянуть. (У них в квартире на 12-м этаже действительно была особенность, строители вставили балконную дверь, но сам балкон повесить забыли. Всех, приходящих в гости, товарищ предупреждал сразу: на балкон не выходить!) Я у нее книжку отнял, соседу отдал, старому пидарасу. Ну ты его знаешь, он часто к тебе поступал в больницу, ноги еще у него болят.

– Знаю, только что-то давно его не видно, ты узнай, может, чего случилось?

На следующий день звонит приятель:

– Блядь, у соседа ноги отнялись. Завтра давай встретимся,

зайди, забирай свою книжку, это все от нее.

Назавтра захожу к нему на работу в поликлинику, в канун Восьмого марта. Рассчитываю, что там наверняка отмечает-ся наступающий праздник, понятно, коллектив в поликли-нике в основном женский, поздравлю, ну и не откажусь от предложенной рюмки водки. Смотрю: мой товарищ, практи-чески непьющий, нажравшись до соплей, стоит на стуле и толкает речугу, пытаясь подражать дикции картавого. Гово-рят, что толкает уже давно.

– Товарищи, вот где архиважнейшее зло, эти проститутки, примазавшиеся к нашей революции...

Поздравляет, значит, женщин. Те ко мне с претензией:

– Это ты его, сволочь, напоил?

– Да побойтесь бога, я его почти месяц как не встречал...

– А почему он каждый день на кочерге? Без чекушки на работу не приходит? Ему же нельзя, у него же был перелом черепа, сам знаешь!

Пришлось увести товарища домой, книжку забрать и вы-бросить. Бабушка умерла через две недели, сосед тоже долго не задержался. Приятель жив, но пить бросил окончательно. Жаль, одна из точек соприкосновения с ним потеряна.

Два случая – закономерность, три – закон. Третьего долго ждать не пришлось. Папашин отчим, старый мудила, ослеп-ший от технического спирта, неожиданно заявил:

– Бывало, сижу я, вот я, вот ты рядом, вот Ленин. Он доб-рый был, штаны мне подарил, вот эти.

И показывает на свои старые кальсоны времен еще не вполне развитого социализма.

Дед жил один, и присматривали мы за ним с папашей по очереди, навещая через день, а поскольку мобильная связь в те времена была удовольствием не дешевым, мы оставляли друг другу записки, отражая в них новое в жизнедеятельности старика, когда хезал, сколько, чего ел, что просил купить, приготовить. После этого заявления я написал в записке кратко: «Пиздец. Ленина увидел. Если придешь и заставишь труп, действуй по схеме. Желательно сообщи мне». Далее прилагалось описание алгоритма действий при обнаружении трупа.

Конец пришел через месяц. По счастью, за пару недель успел деда сдать в больничку, настояли соседи по коммуналке. Дед уже не вставал с кровати, проссал свой диван до пола, кричал матом. Но напоследок все же изменил вождю, разговаривать с ним перестал, а требовал доступных женщин для утех.

Могу привести еще с десяток примеров, но сейчас бред с Лениным уже редкость, а скоро исчезнет совсем. Нет пока достойного лидера, способного так глубоко застрять в народном сознании. Жаль, признак приближающегося конца был надежный.

– Интересно. А еще что-нибудь расскажите.

– Ну вот тебе еще история. Конкурс двойников. Конец восьмидесятых – начало девяностых. Народ сходит с ума от

свободы, ничего святого, можно было смеяться над всем, о чем вчера еще было страшно говорить шепотом. Популярны тогда были конкурсы двойников, по Питеру бродили клоны Ельцина, Горбачева, Брежнева, ну и, естественно, Владимира Ильича. С этим было проще всего: нацепил на круглую лысоватую голову кепочку, приклеил бородку и уже похож. А научился картавить – успех обеспечен. Любой лысый урод мог спокойно изобразить Горбачева, достаточно было выучить несколько стандартных фраз про плюрализм, новое мышление и прочие горбачевские штампы, типа: «Я уезжаю от вас глубоко оплодотворенный». С Ельциным было сложнее, внешность нестандартная. Знал в те годы одного врача, доктора наук, так внешнее сходство с Ельциным было поразительное. Один к одному, рост, манера разговора. Здороваясь, каждый невольно смотрел на его левую руку, все ли пальцы на месте. Но доктор на конкурсы не ходил, ему хватило одного раза, когда он пошел после работы к ларьку, отлакировать пивком выпитый на работе коньячок, и получил неосторожность голосом президента попросить мужиков пропустить гаранта без очереди. Пошутил. Результат – сломанный нос, что еще более усилило сходство, но желание участвовать в конкурсах убило полностью.

Как-то раз при ремонте на работе обнаружили наглухо заколоченную комнатку без окон, забытую скорее всего еще до войны. А в прошлом она использовалась как кладовка. И среди прочего хлама там обнаружилось с пару десятков

бронзовых бюстиков советских вождей. Наши хозяйственные мужички пустили весь старый хлам в дело, пригодились и бюстики. Железному Феликсу шофера расплющили харю, применив в качестве наковальни. Острая бородака рыцаря революции использовалась для тонких работ. Чей-то увесистый бюст, кажется – Куйбышева, а может, Кирова, однажды пригодился любителям рыбалки в качестве якоря. А бюстики Ленина пошли на запчасти. Надо сказать, что сама природа создала череп вождя мирового пролетариата таким образом, что его уменьшенная копия идеально подходит в качестве наконечника для кулисной ручки автомобиля. Ладонь удивительно ловко ложится на широкий ленинский пробор, пальцы при этом упираются в глазницы. Переключать передачи одно удовольствие. Один из бюстиков я приспособил на свой «Москвич», остальные разобрали водители.

И вот однажды на Сенной площади в переходе метро валяется нетрезвый двойник Ленина. Поскользнувшись на новом полу, сломал голень. Непорядок, сотрудники милиции вызывают «Скорую», забирайте. Товарищ одет в соответствии со сложившимся стереотипом: поношенное пальто-регланчик, кепка. Лысина чем-то намазана для блеска. Картавит, никак не может выйти из образа. Пытается встать: – Г’аждане! Помогите подняться вождю ми’ового п’олетариата!

Граждане помогли, дотащили до машины. Повезли его, несмотря на облик, в пьяную травму. Было такое веселое от-

деление при десятой городской больнице, куда со всего города свозили всю пьянь с незначительными травмами. Вождь всю дорогу размахивал руками и наши действия одобрял:

– Правильным курсом идете, това'ищи!

У «спецприемного» отделения очередь, с десятков «Скорых». Все выпустили своих алкашей в дворик, те ползают на травке под присмотром хозяев. Двор глухой, побег практически невозможен. От соседнего двора его отделяет стена до третьего этажа. Хотя был случай, один мой клиент, пьяный гражданин Финляндии, умудрился залезть на нее и спрыгнуть с другой стороны во двор военного училища ракетных войск. Был скандал, разбирались, а не шпион ли это, мне даже отказались присвоить заслуженную мной награду, медаль за спасение утопающих. Но это отдельная история, потом расскажу. А тогда своего вождя мы посадили рядом на единственную скамейку. Рабочий класс, лежавший на ней, почтительно уступил место. Времени много, водитель занялся делом. В заранее просверленном отверстии в основании бюстика Ленина вручную нарезал подходящую резьбу. Работа кропотливая, требующая терпения и силы. Неожиданно наш Ильич обращает внимание на занятие водителя. Возмущению не было предела:

– Как вы смеее глумиться! Это же Ильич! Не трогать святое!

– Слушай, это наш Ильич, что хотим, то и делаем. Покупай и делай с ним что хочешь.

– Продайте, не издевайтесь над Лениным! У меня вот есть пятьдесят рублей.

Что ж, сделка выгодная, можно очень неплохо пообедать всей бригадой. А с утра и позавтракать. В то время мой аванс был меньше, всего сорок рублей.

– Ладно, держи своего Ильича, береги.

Пока товарищ обтирает свой бюст от стружек и масла, водитель берет новый и продолжает работу.

Подходит наша очередь. Придерживая вождя под руки, заводим в спецприемник. Тот гордо несет перед собой собственный скульптурный портрет. Местные санитары немного удивлены:

– Мужик, а ты на х... (зачем) свой бюст с собой таскаешь? Тебе чего, фотографии в паспорте мало?

– Нет, я его у них купил, вот они, они хотели над ним над'угаться.

Надо сказать, что, протрезвев к утру и уходя домой, гражданин полностью забыл про бюстик. Преданность идеалам оказалась не столь крепка. Тот потом еще долго стоял на полке в «спецприемном» отделении, до самого его закрытия, с завязанным на шее чьим-то забытым галстуком. Под Новый год наряжался маленьким Дедом Морозом. Времена изменились, сейчас бюстики вождей продаются в каждой сувенирной лавке, стоят, правда, недешево.

– Да, интересно у вас было. Расскажите еще что-нибудь.

– Про что?

– Ну еще про Ленина расскажите.

– Даже не знаю. Ну вот тут недавно ездил в свой институт, решил пешком прогуляться по Петроградской, знакомые места, есть что вспомнить. Все меняется. Вижу, на углу Чкаловского проспекта и улицы Ленина вместо привычного гранитного бюста вождя установлен странный памятник: каменный шар на старом постаменте. Где-то читал, что на этом месте в разные годы устанавливалось три разных памятника, первый, из гипса, чуть ли не при жизни Ленина. Но с годами черты лица и форма черепа изменялись в соответствии с указаниями партии, приобретая привычный образ некоего внеземного существа. Первая мысль: неужели современная трактовка образа призывает изображать Ленина в форме шара? Неужели современные каноны требуют от черепа вождя совершенной геометрической формы? Обошел вокруг – нет привычной надписи: Ленин. Нет, отлегло, не Ленину памятник, значит, привычно стоящий бюст окончательно демонтировали. И странно, никто из старых пердунов, постоянно сидящих на лавочках в сквере вокруг памятника, не устроил акции, не встал на защиту. Хотя, может быть, и устраивали, но протест резонанса не вызвал. Жаль, уходит старая гвардия.

Вспомнилась попытка самовольного демонтажа этого памятника в конце 90-х. Было так. Четыре пьяных полковника из военно-космической академии имени Можайского, люди солидные, остепененные званиями, после корпоративной

пьянки лакировали пивком в окружающем скверике. И родилась у них мысль: снять бюст вождя. Зачем, для чего он им понадобился, никто потом вспомнить не мог. Но в тот момент сделать это было просто необходимо. Такое бывает. Решение было принято, а поскольку люди они военные, организованные, вчетвером ловко свернули бюст с постамента и погрузили в багажник своих «Жигулей». Сидящие на лавочках старички поинтересовались, а куда вы его везете? На реставрацию, отец, чтоб шпана не надругалась – ответил один из офицеров, и все вчетвером дружно укатили по домам. Вид полковников в парадной форме не позволял старичкам усомниться в чистоте их намерений, но кто-то из самых бдительных на всякий случай записал номер машины и сообщил, куда следует. Старая школа, как говорится, доверяй, но проверяй.

Господа офицеры разъехались по домам. Ночь. Неожиданно в квартиру владельца «Жигулей» вламывается наряд ОМОНа в полной сбруе, с автоматами. Перепугав насмерть жену, которую поставил в тупик вопрос: «Где памятник?», растолкали спящего супруга, который, надо сказать, о происшествии не помнил абсолютно и удивился не меньше жены. Какой памятник, где? Где машина? Наверное, в гараже у друга. А где гараж? Забыл. Пьяный ездил? Да никогда! Осмотрев квартиру и забрав полковника с собой искать автотранспорт, ОМОН умчался. Супруга на следующий день взяла больничный, рассказав врачу о причине внезапного гиперто-

нического криза. Наконец, подняв с кроватей всех поделеньников, нашли гараж, нашли от него ключи, нашли бюст вождя в багажнике. Опасаясь повредить, выгружать его из багажника не стали. Но сил правоохранителей не хватило, чтобы установить гранитную глыбу обратно на пьедестал. Полковники, ясное дело, в помощники не годились, покачиваясь в стороне, удивлялись, как это им удалось его снять и главное – зачем? Несколько дней пьедестал стоял пустой, общественности было объявлено, что памятник на реставрации. Кстати, эта якобы реставрация даже была отражена в его официальной истории. И вот памятник снят окончательно, наверняка все это происходило буднично и не так интересно.

Ладно, на сегодня хватит, пошли работать, у нас еще писанины полно.

Паралимпийские игры

В ординаторскую реанимации зашел больничный психиатр. Ему слово:

– Смотрю телевизор. На всех каналах предлагается испытать гордость по поводу успехов российской паралимпийской сборной, гордости российского спорта. Паралыжи, парафрестайл. Ну так это и любой debil сможет. А им же тоже хочется себя в чем-то проявить. Почему бы не устроить соревнований по парашахматам? Думаю, наша сборная была бы вне конкуренции. Двое шахматистов на примете уже есть. Вспомнил тут шахматный поединок между двумя олигофренами в дурдоме, санитаром и пациентом, спорт, конечно, жесткий, но зрелищный.

Как-то раз удалось познакомиться с интересным человеком, одним из постоянных клиентов известной психбольницы, поступавшим туда на лечение регулярно раз в три месяца. Назовем его Васей. Василий не был сумасшедшим или психом, обычный дегенерат, debil-алкоголик. И только один божий дар выделял его из массы подобных: у него на голове невероятно быстро росли волосы. Что, впрочем, не такая уж редкость среди идиотов. Грешно было не воспользоваться таким подарком судьбы. За три месяца Вася был способен отрастить косы, высоко ценимые в парикмахерских салонах за длину и натуральный окрас. Проведя пару меся-

цев в дурдоме, поднакопив за этот срок пенсию по инвалидности и продав отросшие волосы, Василий уходил в запой. Допившись до паралича, поступал снова. Так повторялось много лет с пугающей регулярностью. Ученые бились над загадкой, как разорвать этот замкнутый круг. И вот однажды за дело взялись санитары. Надо сказать, что санитары в том заведении – публика весьма своеобразная и интересная. На тот момент основу младшего медперсонала составляли отставные военные, ушедшие на пенсию в разных званиях от прапорщика до генерал-майора. Что их заставляло работать на столь скромной должности, до конца было не понятно, скорее всего обстановка на работе, в которой они чувствовали себя комфортно, как бы среди своих. Неизвестно, была это их собственная идея, или действовали они по указанию врачей, но перед очередной выпиской санитары связали Василия и насильно обрили ему голову. Оставшись без существенной прибавки к пенсии, Вася все равно запил. Но испытать желаемого не сумел, кончились деньги, и поэтому в очередной раз поступил раньше срока.

Врачи ликовали. Ура! Замкнутый цикл оказался не таким уж и прочным, сегодня его сократили, завтра разорвем! Очередная победа советской психиатрии! Хоть маленький, но шаг к выздоровлению. Но никто не оценил угрозу, надеясь на короткую память дебила. Вася не забыл обидчиков.

В один из вечеров санитары коротали время за шахматным столом. Гуляющий вокруг Вася неожиданно предложил

сыграть с победителем. Отставной полковник, главный Васин обидчик, считавший себя неплохим игроком, со смехом согласился. Зря. Аккуратно расставив фигуры, Василий поднял доску и со всей ненавистью треснул санитару доской по голове. Доска в щепки, кожа на лысом черепе бывшего офицера разлетается в клочья. Санитар, ослепший от крови, вспоминает, что он не просто отставной полковник, а офицер внутренних войск. Крик: «Сгною падлу!!! Убью!»

Вася был связан, профессионально избит без видимых повреждений на теле и, естественно, снова обрит наголо. После этого случая больше в больницу он не поступал. Или помер после очередного запоя, или лечился амбулаторно, что вряд ли. Больница лишилась одного из своих интересных пациентов, утратив какую-то неуловимую частичку своей неповторимости. Кстати, а никто не знает, где зажигают огонь Паралимпиады?

– Так в каждом городе, по пути следования и зажигают. Не так, как у обычной, в Греции.

– Вот и я думаю, в Греции оно как-то не логично. В былые времена греки со своими будущими паралимпийцами поступали строго, их еще в младенчестве со скалы...

– Да, сборная у нас сильна. На первом месте. Здоровых молодых калек у нас хватает. Кстати, война способствует развитию паралимпийских видов спорта.

Доктор, прежде работавший на «Скорой», тоже поделился своей историей.

– Помню, как раньше тренировались наши паралимпийцы, как проходили тренировки спортсменов-инвалидов где-то в начале 90-х годов. Спортсмены проживали в специализированном интернате, в народе – в пнях, забыл номер, рядом со Смольным. Обитателям интерната разрешался выход наружу, в город. Естественно, не всем. Помнится, был там один идиот, который с утра до вечера неистово дрочил в садике за забором, занимаясь по индивидуальной программе. Местный тренер формировал пары для совместных прогулок, как мы их называли на «Скорой» – спарки. Спинальный инвалид или безногий, но с сохраненными остатками интеллекта, сидел в кресле-каталке, а ходячий олигофрен катил ее по городу. К зачетному времени все должны были вернуться на исходную, на спортбазу. Опоздавших ждало наказание, пропуск очередного этапа. В зачет, видимо, шло расстояние, пройденное спаркой, и техника прохождения дистанции. Рекордсмены, победители на дальность добирались даже до Московского района. В послеобеденное время тандемы расползались по городу. У многих была цель, кинотеатр, черт, опять забыл название, на Садовой, рядом с Апрашкой. Расстояние не маленькое, но он был, кажется, единственным с въездом для колясочников. Умный желал смотреть кино. В это время их напарники-дебилы частенько нарушали спортивный режим. Проще говоря – злоупотребляли. Порой злоупотребляли так, что сами теряли способность передвигаться. Один, помнится, даже умудрился пропить коляску парт-

нера. Часто за компанию режим нарушали и безногие. И эти спортсмены были серьезной проблемой для ближайшей подстанции «Скорой помощи». Пьяный олигофрен забот не доставлял, тем более что найти его не всегда удавалось. А если валялся рядом, то их с удовольствием принимал вытрезвитель. А пьяный безногий инвалид приносил забот. Вытрезвитель его как инвалида с явными признаками болезни не принимал, везти по месту обитания не разрешалось. Положено было доставить в приемное отделение дежурной больницы, где тебе с таким клиентом были не очень рады. А куда девать спортивный инвентарь, коляску? Советские коляски, кто помнит, были не складные, в машину «Скорой» не влезали. Того, кто сподобился пропить коляску, продав рядом, на Апрашке, я благодарил самыми теплыми словами, на какие только способен. Оставишь ее на улице – сопрут. Будут претензии со стороны руководства клуба. Каждый раз приходилось искать новые пути решения. Вызывает «Скорую» мент – хорошо, инвалида забираем, а коляску стой, сторожи. Рядом на дистанции окажется вторая спарка с вменяемыми участниками – оставляешь им, ждите приезда арбитров из ПНД.

– Да, на «Скорой» работа не простая, требует не столько профессиональных знаний, а умения находить выход из ваших ситуаций.

– Это точно, врачебной работы – ноль. Постоянно из какой-нибудь задницы ищешь выход.

– А зачем искать? Задница, она сама по себе и есть выход.

– Не скажи, у многих она вход. А сейчас таких хватает. Ну вот к примеру: попадаете на улице псих. Куда его? Психбригада к тебе не подъедет, с твоим направлением в дурдом не возьмут. Хорошо, если явный делирик, чертей на стене ловит, тогда еще можно выпросить у ответственного врача или психиатра разрешение отвезти его в дурдом, а если товарищ просто с легким припиздоном? Один, помню, весь вечер в метро по эскалатору катался, вверх-вниз, пока менты не тормознули, странным показался товарищ. Хотя, казалось бы, им какое дело, пусть катается, каждый раз честно платит. Спрашиваю зачем? Отвечает: следят за ним, он так пытается выяснить – кто. Долго я репу чесал, чего с ним делать, что у него, шизня или просто навязчивость? Решили отвезти его на соседнюю станцию метро.

– Для чего?

– А мы узнали, там эскалатор в тот день работал только на спуск. Подняться он уже не смог. Успокоился, уехал домой, в Веселый поселок. Не знаю, может, там тоже катался, но это уже не наше дело, не наш район, далеко.

– Ловко. Я так помню, у меня в свое время был один, музыкант. В консерваторию вызвали, всех достал вопросом, почему у него яйца пухнут? Покажи, говорю. Посмотрел, вроде все нормально, иди, играй на своем кларнете. А он нет, ты, говорит, ничего не понимаешь. А я музыкант, разбираюсь, у меня три такта не пухнут, на четвертый пухнут. Сейчас покажу. И достает при всех свою мотню, вываливает на-

ружу и начинает играть на своей дудке. Картина. А я сижу перед ним и слушаю, и думаю, чего с тобой, болезненным, делать. Хоть какой-то диагноз бы придумать, чтоб тебя в простую больницу сдать, там пусть разбираются. Короче, написал ему: острый эпидидимит, воспаление, значит, яйца. Отвез его в дежурную урологию, сижу в приемном, заполняю карточку. И только слышу, как в смотровой заиграл кларнет, и крик хирурга:

– Что за козел привез сюда этого мудака! Он же еб...й!

Каким-то чутьем понимаю, что слово «козел» относится ко мне и надо сваливать.

– Ну ладно, ребята, весело у вас, с вами тут можно до утра просидеть, пойду ваших психов посмотрю.

Изгнание бесов

Вызывают в приемное отделение, просят посмотреть пациентку. Женщина средних лет поступает якобы с инсультом. При первом взгляде ясно, что инсульта здесь и никакого нет. Кататонический синдром, мышечный тонус нормальный. Придав ей позу прыгуна в длину, которую она с легкостью удерживала, собрался уходить. Дежурный терапевт не понял моих манипуляций и робко спросил, а что это?

– Да шизофрения это в чистом виде, звони психиатру, пусть отправляют ее в психбольницу.

Тут терапевт жалобно заскулил, ссылаясь на трудности госпитализации в психушку, о невозможности держать сумасшедшего на общем отделении. Места у меня в реанимации были, сжалился, взял ее до утра к себе.

В реанимации больная разговаривалась. Щебетала на каком-то птичьем языке. Выходили звуки типа: кырвы-пырвы-тырвы-быр, мырвы-тырвы-шырмы-выр. Причем говорила без остановки. Разорванность мышления дошла у нее до предела, была внутри каждого слова.

– Ты полежи, пощечичи тут с полчаса, – сказал я больной, – я пойду покурю, а после поговорим.

Когда вернулся, в речи стали проскакивать человеческие фразы.

– Что за язык? – спросил я.

– Это забытый язык древних эльфов, его знаю только я, вам его не понять, – отвечала больная.

Куда уж мне. Больше у меня вопросов не было. Наверняка в диспансере о ней знают. Завтра позвоню, пусть выпишут направление в профильный стационар.

Вечером звонок в дверь реанимации. На пороге стоит один из священников местной церкви. Одет в партикулярное платье, но любого попа отличишь от мирянина, во что бы он ни обрядился. Даже если будет в одних трусах, такие порой попадают. К тому же я его хорошо знал, батюшка часто появлялся в больнице с кружкой для пожертвований на строительство храма. Особенно в палатах повышенной комфортности, где могли лечиться потенциальные спонсоры.

– Вы к кому, батюшка?

Называет фамилию щебетуны:

– Я к Кругловой.

Один из моих дальних предков был родом из Италии. Это удобно. Этим я иногда объясняю свою порой излишнюю прямоту:

– Зачем? Бесов изгонять? Так вроде не вызывали.

– Да нет, я хотел узнать, как она. Я ее сын. Хотел сказать, что у нее шизофрения. А вы дядю моего наверняка знаете.

Тут мне стало несколько неловко. Вспомнил, что действительно некий Круглов – постоянный наш клиент. Тоже не вполне здоров на голову, но всю жизнь активно занимался самолечением. Шизофрению лечил водкой, причем доволь-

но успешно, хоть такой способ нашей психиатрией и не одобряется. С годами превратившись в безобидного, ни для кого не опасного дегенерата. Регулярно поступал с белой горячкой.

Невольно возникал вопрос, а кто в их семье самый нормальный. Правда, дальнейшая судьба семьи оказалась трагичной. Дядя в очередной раз проходил курс лечения, не рассчитал дозу и переселился в иной мир. Через год пациентка поступила вновь, шизофрения прогрессировала, наступил полный распад личности. Лежала не шевелясь, приходилось кормить через зонд. Около месяца я упрашивал сына принять участие в ее судьбе, хотя бы помочь обеспечить надлежащий уход. Бесполезно, судьба матери его не волновала. От уговоров пришлось перейти к прямым угрозам, сообщить его руководству о поведении любящего сына. Стоило бы ему набить морду, но на священника рука не поднималась. С тех пор батюшка со своей кружкой больше не появлялся. Дошли слухи, что настоятель его выгнал с работы. Скорее всего, так оно и было, старший священник нашей церкви пацан правильный, из братков.

Законы стаи

Есть в Санкт-Петербурге неплохой бизнес. Держать тренированных сторожевых собак и охранять с ними различные объекты. Мало кто знает, но в Пассаже, в Гостином дворе, по ночам бегают стаи овчарок. Платят им (то есть хозяину) гораздо больше, чем сторожам-людям. Потому что они надежней любого ночного сторожа и более предсказуемы. По крайней мере – не пьют. Работа у хозяина не пыльная. Отвез вечером собак, а при наличии документов с ними разрешается ездить в метро, утром забрал. День свободен. Только погуляй и покорми. Две-три собаки могут обеспечить хозяину вполне безбедное существование.

И вот один товарищ, профессиональный кинолог, долгие годы занимался этой деятельностью. Пока собаки работали, он пил. И допившись до белой горячки, тоже вообразил себя собакой. Жена их всех кормила, но выводить на улицу боялась, страшно. Две здоровенные огромные овчарки плюс муж. В результате они втроем сбились в стаю, носились по квартире, нагадили и пометили вокруг все углы. Причем интересно, что хозяин оказывается отнюдь не вожаком. Как любая приبلудная дворовая шавка, мечтающая попасть в собачий коллектив, изо всех сил пытается выслужиться перед стаей, заслужить авторитет, так и он громче всех лаял, кусал жену. Лучшие куски мяса оставлял вожаку. Передвигался он

по квартире исключительно на четырех лапах. Наконец жена поняла, что супруг ведет себя несколько странно, и на 4-й или 5-й день вызвала «Скорую». Говорит, что все было нормально, муж лаял, кусался, а сегодня кусаться перестал. Наверное, решила супруга, заболел.

В квартиру врачи «Скорой помощи» зайти не смогли при всей своей толерантности к запахам. Собаки оказались прекрасно тренированные, по команде вышли из квартиры и легли в коридоре. А вот хозяина пришлось выманивать наружу куском колбасы. С трудом он полз на ослабевших лапах. Собаки не возражали, когда члена их стаи положили на носилки и понесли по лестнице. Мужик был весь перемазан в дерьме, и осмотреть его возможности не было. Но резонно решив, что за несколько дней, проведенных на полу, он наверняка простудился, в придачу к белой горячке можно смело ставить еще один диагноз: пневмония. Молодцы, ребята, профессионалы. Не ошиблись.

Введение в специальность

В коридоре валяется учебник, «Введение в специальность». Забыл кто-то из санитаров, наверное, собрался поступать в институт. Открыл, думаю. Неужели нас в свое время заставляли читать эту чепуху? Я лично не читал. По силе воздействия лучше любого рвотного. Вот, например, цитата:

С тех давних времен, когда жил Авиценна, мир изменился в лучшую сторону, а прогрессивно развивающаяся медицина становится тем спасительным лучом света, который согревает людские души теплом надежды на добро и счастье.

Выбросил в мешок с отходами класса «С», куда принято сбрасывать биологический отход, обрезки тканей, сливать гной. Там никто копать не будет. Лучше схожу в народ, посмотрю на наш изменившийся в лучшую сторону мир. Говорят, в палате дедушка с ума сошел. Мешает спать. Идти куда-то собрался, к каким-то женщинам. Тема интересная. Пойду, согрею чью-то душу теплом надежды.

Дедушка уходить никуда не собирается. Лежит, парализованный на все четыре конечности. Метастазы опухоли в спинной мозг. Говорящая голова ясно излагает мысли. Правда, говорит действительно громко, но четко и внятно. Молодежь в палате слушает внимательно, подрастающему поколению есть чему поучиться у ветерана.

– Нет, ну ты видел? Ты видел эту сестру, как она мне тру-

бочку в хер засовывала? Да раньше! Раньше бабы мне за х... двумя руками хватались, а сейчас? Сейчас..., держит двумя пальчиками, перчатки надела, противно ей. Да мне бы только встать, я бы ей засадил по самое не балуй...

– Да и я бы не отказался...

– А ты читал, чего этот хирург, козел, про меня написал? Говорит, я сумасшедший. Да мне бы только встать, я бы ему засадил...

– Насчет козла – вполне согласен. Козел он еще тот. Насчет засадить – тут дело вкуса.

– Ну а ты чего пришел? Да мне бы только встать, я бы тебе...

– Молодежь, а вам этот соловей мешает?

– Да нет, пусть говорит, интересно. Встать он все равно не сможет.

– Ну и кому он тогда помешал?

– Там хирург за стенкой, говорит, ему спать не дает.

– А, ну этого хирурга лучше не будить, народ здоровей будет. Тогда сейчас вернусь, принесу доброго лекарства, пусть дедушка поспит до утра.

История ко дню Святого Валентина

Рассказывает знакомый:

– Еще ребенком знал одного врача-хирурга...

Видел их часто с женой на автобусной остановке, которая находилась прямо возле нашего дома...

Хирург – был мужичешка ростом едва ли полтора метра и тщедушной внешности, зато его супруга с лихвой компенсировала недостатки мужа.

Она была дородной огромной бабищей, если не два метра, то метр восемьдесят, из-за этого диссонанса создавалось ощущение, что на остановке стоит мама с ребенком, ребенок с портфелем, сопровождает его в школу...

Но самое забавное было, когда они посещали торжественные мероприятия.

Жена врача брала с собой детские саночки, если дело было зимой, и на вечеринку они уезжали на автобусе, автобусы в 24 часа переставали ходить...

И вечером крепко выпившего мужа она усаживала в саночки, складывала ножки и ручки, чтобы не висели, и катила санки домой. Время от времени я замечал эту картину, поскольку это был известный на весь город врач. Итог – найди себе спутницу жизни, надежного друга и соратника...

Случай на Сенной

Вот до чего докатились. В приемном отделении увидели одну несчастную полуголодную вошь на воротнике бомжа, вошь-сироту, не успевшую спрятаться в складках одежды. Крик, паника: срочно давайте дихлофос! Немедленно обработать, волосы сбрить вместе с гнидами! В ванную его срочно! Зачем же сразу брить? Зажигалка есть. А в ванную нельзя никак, в ванной бомж сразу найдет смерть. Без вшей бомж погибнет, нарушится многолетний симбиоз. Забыли прошлые времена, когда на вшей просто не обращали внимания.

Помню, был случай на Сенной, в начале 90-х. А в те годы Сенная представляла собой заброшенную стройплощадку в центре, где никак не могли закончить строительство станции метро, а по краям – стихийный рынок. Продавалось все. Барахло, водка, книжки, талоны на продукты и ту же водку, какие-то железяки, животные. В ларьках, с лотков, просто с земли. Грязь по колено. Вокруг бомжи, танцуют пьяные, играют духовые оркестры. В общем, ощущение непрерывного праздника. В стране бардак, народ веселится. Пройти через толпу было непросто, а проехать почти невозможно. Если чья-то добрая душа вызывала «Скорую» к очередному упавшему алкашу, то по пути к нему с земли подбирались еще два-три человека, заодно, зачем лишний раз ездить? Причем

все с вывернутыми пустыми карманами, перед тем, как набрать 03, добрые люди внимательно проверяли, нет ли с собой у человека каких-нибудь документов, а может, он живет рядом?

Очередной вызов: «Мужчина без сознания», напротив известного в прошлом ресторана «Балтика», где ныне безликий «Макдональд». Добрались быстро, метров 300 за полчаса. Толпа образовала круг, в центре которого лежал человек в костюме инопланетянина. Серебристое трико плотно обтягивало тело. Первая мысль, что где-то идут съемки фильма о пришельцах, а один из марсиан утомился и уснул на солнышке. С землянами такое бывает часто, наверняка и с иными гуманоидами тоже. При этом от пришельца пахло дерьмом и застарелым перегаром. А стоило подойти поближе, как костюмчик неожиданно стал шевелиться. Сначала образовался какой-то валик, который стал постепенно перемещаться в моем направлении. И тут мы начинаем понимать, что на человеке нет никакой одежды вообще, даже трусов, а костюм его – толстый слой вшей, покрывающих тело. Вши, почуяв свежую кровь, начали двигаться в надежде найти нового, более перспективного хозяина. И тут встает вопрос, что делать с этим чудом? Оторвав доску от забора, пошевелил ей гражданина. Тот явно был жив, мычал, шевелился, но шансов, что сможет встать и уйти, не было. Интересно, какую сволочь переполнило человеколюбие, кто вызвал «Скорую»? Из толпы высовывается милиционер, малюсенький такой сержан-

тик. Судя по выговору, совсем недавно оторванный от своих родных корней, оставшихся где-то в глубине Псковской губернии.

– Ты вызывал?

– Я!

– А на х...я?

– Ну а как? Человек ведь без сознания, может, с сердцем плохо?

– Это тебе плохо, и не с сердцем, а с головой. Ты хоть подумал, что делаешь? Может, после этого бомжа в этой же машине я твою жену повезу рожать, маму твою с параличом или тебя, вечером, с проломленным черепом? Будешь лежать на этих же носилках?

– Ну, а как тут нам? Нам сказали, если че, вызывай «Скорую».

– Че-че! Тут не «Скорую», тут спецтранс вызывать надо, это их дело, грязь с улиц убирать. Следующий раз знай, вон их стоянка, тут недалеко, на улице Ефимова.

Мент понимает, что неправ, и исчезает, а вопрос, что делать с бомжом, остается. Толпа начинает волноваться, кто-то записывает бортовой номер машины.

– Как вам не стыдно! Совести у вас нет! Человек на земле лежит, ему плохо, а вы тут стоите!

Великий Лебон¹ прав, спорить с толпой бесполезно. Тут,

¹ Лебон – знаменитый французский психолог, автор книги «Психология народов и масс».

разгоняя толпу, появляется сержантик. Да, с юмором у парня плохо... За ним следом двигаются трактор «Беларусь» с ковшом и ЗИЛок-самосвал. «Сюда, сюда! – служивый руководит драйверами. – Стой! Вот он!» «Беларусь» едва не наезжает ковшом на бомжа. Тут до мужиков начинает доходить, чего от них понадобилось сержанту... Появился очередной повод убедиться, до чего же красив и выразителен русский язык. Техника разворачивается и исчезает. Но вопрос остается. Ладно, рядом ресторан, наверняка там дадут какой-нибудь мешок. На кухне находится несколько больших полиэтиленовых пакетов. Теткам явно неохота отдавать, пленка плотная, можно смастерить парничок на даче. Но делать нечего, вшивый бомж у входа – не лучшая реклама для заведения. Припугнув их, что если мы его не вывезем, то к вечеру он загнется и пролежит в лучшем случае до утра, забираю десяток пакетов и пару холщовых мешков на голову, через которые можно дышать. Можно, конечно, и без них, но тогда человек задохнется, и придется как-то оправдываться, писать в карте вызова: «Смерть в машине. Причина смерти – педикулез». Растянув пакет за края, приказали бомжу: «Ползи!» Тот послушно заползает в пакет, на голову надевается холщовый мешок. Для надежности сверток обматывается скотчем, тоже прихваченным в ресторане, для удобства транспортировки устраиваются ручки. Пакеты оказались упаковкой от контейнеров с американской тушенкой. Гуманитарная помощь. В районе спины бомжа на паке-

те красуется штамп: «Проверено ветеринарной инспекцией армии США». Хорошо, значит, годится.

В больнице нас встретили без радости. Даже убеждения, что продукт проверен, да и не просто местной СЭС, а организацией серьезной, не помогли. Два санитары бросили его в ванную с водой, разрезав скотч. Дальше выбирайся сам. Пока бомж вылезал из пакета, вода стала красной от раздавленных вшей. Мытье ему понравилось. Сменил воду в ванной, с удовольствием тер себя мочалкой, сам сбрил волосы. Но лишенный вшей бомж, как и положено, быстро умирает. Через пару часов рядом на кушетке лежит чистенький отмытый труп. До сих пор загадка – как тогда в городе удалось избежать эпидемии сыпного тифа?

Странный народ – хирурги

Рассказ об особенностях аффективного реагирования на фоне хронического стресса, противоречащих социальной практике, у лиц с патологическим развитием личности.

Странный народ – хирурги. Скандалят с нами, реаниматологами, ругаемся до хрипоты и драки, свои косяки пытаемся свалить друг на друга. Водку вместе с ними пить запаadlo. А заболеют, лечиться идут не к терапевту, не к кардиологу – а нам, к врагам своим, в реанимацию. Понимают, что серьезное – поможем, нет – напрасно лечить не будем. Вот на днях приходит один с утра, трясется, мокрый, то ли от страха, то ли с похмелья:

– Слушай, посмотри кардиограмму, сердце что-то прихватило.

Посмотрел.

– Да ничего, не хуже, чем в прошлом году. Пил бы ты поменьше, пора уже.

– Да как тут не выпить, сплошной стресс, нервы.

– А чего случилось?

– Ну как чего? Слышал, мы вчера всю ночь одного психа с терапии ловили?

– Слышал. Только он не псих, он нормальный мужик, иди сам убедись. Лежит тихо, только удивляется, с чего он вдруг в наручниках очнулся. У него диабет, терапевты с инсулином

перестарались, вот он на гипогликемии с ума и спрыгнул, гонял вас по больнице. Дали бы ему конфету пососать. Ты лучше его лечащему врачу, терапевту, морду набей. Я утром хотел, но он, сука, на обход не пришел. Донесли, что его у нас очень ждут, хотят видеть.

– А кто знал? Да и как ему конфету дать? Он сам кому хочешь даст, здоровый, блин, кабан. Историю его посмотрел: лежит уже с неделю, перевели с наркологии, он там от водки лечился, в истории ни одной записи, зачем перевели? Чем болеет? Листа назначений я так и не нашел. Ясное дело, решили – алкаш, «белочку» поймал. Сам бы ты о чем подумал?

– Ясен пень, о горячке бы и подумал.

– Во-во, и мы тоже. Этот козел терапевта дежурного отхеречил, дал пенделя, та на больничный пошла. Правда, ей в основном по жопе досталось, сам понимаешь, там не промахнуться. Теперь говорит, сесть не может. А меня он стулом по голове, я даже отскочить не успел, только нагнулся. По спине попало, стул в щепки, только ножки у него в руках остались. Рентген сегодня сделал, ребра вроде целы.

– Ну вы прямо титаны, профессиональный рестлинг. А охранник-то чего делал, почему не позвали?

– Так, когда я пришел, охранник уже был в курсах, что на терапии псих буянит. Он забрался в лифт, отъехал и остановил кабинку между этажами. Сидит там, сука, ментов вызывает. И главное, у вас-то все такие мужики здоровые, а тут, как назло, две мандавошки дежурят, Чип и Дейл, спасатели,

бля. Ты хоть скажи своим, чтоб одних баб в смену не ставили, особенно по выходным. А то получилось, я единственный мужик во всей больнице, ну еще охранник в лифте.

— Так как справились-то?

— Ну мы его в палате заперли, все оттуда разбежались, даже деды парализованные как опарыши наружу выползли. Дверь прижали кроватью, хорошо, там на отделении в трех палатах клопов травят, половину больных на ночь в коридор выкатили. Рядом какая-то бабка лежала, мы ее кроватью дверь прижали вместе с ней. Железная старуха, даже не проснулась.

— Может, мертвая, не заметили?

— Не знаю, мне не до нее было. Тут менты приехали, ППС, писец, две тетki с пулеметом, и толку от них? Хорошо хоть наручники есть. Спрашивают, чего надо? Связать говорю, надо, как хотите, хоть МЧС вызывайте. Сам понимаешь, этот мудель там один, в окно выпрыгнет, потом не отмоешься. А козел уже дверь разнес и так ручонку одну наружу высунул. Я на нее наручник херак, и к бабкиной кровати. И так пристегнутого с кроватью его из палаты вытащили, по коридору покатали, пока вторую руку схватить не удалось, тоже к кровати прицепили. Ну тут ваши чего-то ему в жопу укололи, он затих.

— Конечно, как тут не выпить, хороший повод. Тебя чего, в первый раз чуть не убили? Ну хочешь, полежи денек у меня, отдохнешь, больничный сделаем.

– Да нет, это херня, не впервые. Главное слушай: домой прихожу, купил пивка, думаю, посижу, расслаблюсь. Сел на толчок, удобно, лишний раз вставать не надо, телевизор подогнал, включил, газетку, рыбки взял. Сижу, значит, завтракаю. И тут крик такой из унитаза: «Пре-кра-ти-те сра-а-а-ать!!!» Даже в толчке вода забулькала. Решил, все, точно крышняк потек. Ну его, думаю, на хер, пиво. Водки! Заглотил стакан, второй, в общем, пока не отключился.

– Завязывай, скоро не только унитазы заговорят. Я помоложе, и то уже почти не пью.

– С дежурствами по выходным точно надо завязывать. А про говорящий унитаз я узнал. Оказалось, соседи снизу затеяли фановую трубу менять, говорят, всех предупредили. А меня-то сутки дома не было, откуда я знал. Так это водопроводчик наш в трубу кричал, он глухонемой, кричит громко. Я его сверху окатил водичкой.

– Понятно, это достойный повод, тут на всю жизнь можно испугаться. Иди в палату, там никого, сейчас что-нибудь придумаем.

Дамба

На днях прочел статью о питерской дамбе. В комментариях полный восторг: «Спасибо Президенту за дамбу! Горожане могут спать спокойно!» И хотя мое участие в созидательном труде на благо советского общества ограничивалось в основном выдергиванием морковки в колхозе, в свое время сам принимал некоторое участие в ее постройке, участие непродолжительное, но деятельное. Внес свой небольшой вклад. Во многом благодаря мне на одном из предприятий города был сделан небольшой шаг от примитивного натурального обмена к современным товарно-денежным отношениям.

В начале восьмидесятых годов работал я на одной автобазе. По окончании школы, в придачу к аттестату, выдали диплом автослесаря второго разряда. Знакомый директор взял временно на работу, на лето, на два месяца. Вся автоколонна там сплошь состояла из большегрузных КАМАЗов, все лето работавших на строительстве дамбы. Пристроили меня там помощником кладовщика. Помогли, говорят, старику, ветерану труда, у него возраст уже не тот, тяжело. Кладовщик, которому меня представили, встретил невнятной матерной тирадой, из которой я понял только то, что всех слесарей надо посылать на х..., и уснул в подсобке в старинном высоком кресле. На меня он произвел впечатление человека дей-

ствительно не очень здорового, весь день проспал сидя, и на следующее утро я его застал спящим в той же позе. Похоже, не было сил даже встать, хотя мой глаз заметил рядом пару новых пустых поллитровок. Больше я кладовщика не видел, наверное, ушел на больничный.

Странно, первую неделю никто ко мне не обращался. Говорили тогда, что КАМАЗ – машина надежная, но не до такой же степени? Потом оказалось, что мужики не знали, как ко мне найти подход. Традиционный путь, обмен запчастей на натуральный продукт, им казался неподходящим. Я еще был молод. Но постепенно, узнав, что новый кладовщик любит пиво, успокоились, стали заходить. От скуки я решил навести порядок на складе. Бардак там был еще тот, все свалено в кучу, полезные на вид железяки вместе с пустой стеклотарой, какой-то одеждой, ломаными запчастями. Найдя на складе несколько досок, железных уголков, наспех сконструировал нечто вроде стеллажей, начал наводить порядок. Первую неделю потратил на разбор завалов. Оказалось, что на складе есть все, что необходимо, все запчасти, особенно самые ходовые. Работа не пыльная, получил заявку, выдал, сиди, кури. Делать мне больше было нечего.

Через неделю появился первый проситель. Водила требовал подшипник ступицы. Деликатно прошу принести заявку, подписанную директором. Подшипники есть – выдам. Водила удивлен:

– На хуя?

– Ну а как, мне же потом его списывать.

– А у тебя их много?

– Много, вон стоят, два ящика.

– Так дай.

– Не могу без заявки, приказ. И старый подшипник мне нужен для отчета.

– А ты понимаешь, пока я ее подпишу, дня три пройдет. А мне работать надо.

И протягивает мне червонец. Деньги по тем временам фантастические. Обед в ресторане с выносом тела. На такси, правда, не оставалось, но тем не менее... Неужели водителю так срочно нужно вернуться в строй? Наверное – да, еще бы, всесоюзная ударная стройка, план. Голова еще была забита идиотскими идеалами. А действительно, подшипников полно, никто их не считал, дам один, не заметят. А сломанные валяются по всей ремзоне. Приношу, от денег отказываюсь.

– Бери, бери. Я за день простоя больше потеряю. У твоего начальника, алкаша, хер чего найдешь. И без бутылки к нему не сунешься. Спасибо!

В тот же день, вечером, червонец был потрачен.

Еще через пару дней водитель-энтузиаст зашел снова. Что-то понадобилось опять, кажется, центральный болт рессо-ры. Снова протягивает 10 рублей. Да, думаю, не берегут технику. И себя не жалеют, свои деньги готовы отдать, лишь бы трудиться на благо. Похоже, водитель прочитал мои мысли.

– Не, ты, видно, меня совсем ебнутым считаешь, на свои деньги машину чиню. Так вот, слушай...

И шоферюга провел со мной первый урок политэкономии развитого социализма.

– Смотри, у меня в день норма – восемь ходок. Двадцать кэмэ от карьера до дамбы, погрузка, разгрузка. Заправиться надо. Могу я за день норму выполнить? Хер. А что делать? Въябывать как папа Карло? Не. Я с утра загружаюсь и первый рейс куда? Правильно, на Южное кладбище. Там могильщики за два шмурдяка у меня машину песка покупают. Для них это даром, а мне пока больше и не надо, главное, меня там знают, ждут. Где остальные кормятся, не скажу, у всех свои места. Еду, загружаюсь снова, на дамбу, и сразу к прорабу. На стол ему две бутылки и путевку. Спрашиваю, я, кажется, сегодняшнюю норму выполнил? Ну естественно, выполнил, какой разговор. Хуяк, хуяк, мне в путевку восемь печатей. И все, я свободен. Весь день могу работать на себя, кому говна на дачу привезти, кому щебня с той же дамбы. Или домой – спать. А ты говоришь – червонца жалко. Мне времени жалко.

Что ж, тему я понял. Как работает советская экономика – тоже. Иллюзий на тему светлого будущего поубавилось. Жаль, было мало времени развернуться, срок временной работы подходил к концу.

Запомнился еще эпизод. Иду с утра через проходную, ворота почему-то закрыты, в окошке привычно не торчит за-

спаннный ебальничек вахтера. Заглянул, тот лежит на полу, завернутый в половик, с кляпом во рту. Ворочается, мычит, значит, живой. Зашел внутрь, вытащил кляп изо рта. Отдышавшись, вахтер выдал хулу в адрес шоферюг, как я понял, закатавших его в ковер. Кричит: развяжи! Не знаю, говорю, не я тебя связывал, пойду, спрошу, в чем дело. В спину получил еще один поток мата уже в свой адрес. Выезд изнутри забит КАМАЗами, шофера курят в сторонке. Подхожу:

– Слушайте, там вахтер лежит связанный, просил развязать. Кто его?

– А нехуй! Он нас не выпускает. Говорит, приказ директора, пока тот лично с каждым не разберется. И путевок не дает, сука. А директора нет, его в обком вызывали, за ударную нашу работу хвалить. Ты чего, не слыхал?

Признаюсь, что не слыхал.

– Бля, где-то там наверху подсчитали, получилось, по нашим закрытым путевкам, что уже давно вся Невская губа засыпана. И только нашей автоколонной. Оно бы ничего, но мы же не одни работаем, остальное-то куда дели? Вот и собрали директоров всех автобаз, пистон вставляют. А этот козел пусть полежит до приезда директора, ему не впервой, если что, скажем – саботаж, с ума сошел, работать не дает, падла, гасит порыв.

Через неделю мне пришлось покинуть дружный коллектив автобазы, носящий звание коллектива социалистического труда. А мой бывший одноклассник, чей отец меня тогда и

взял на работу, впоследствии сам стал ее директором. Производил впечатление человека, довольного жизнью, но при встрече старые времена вспоминал с грустью.

День любви, семьи и верности

Во всероссийский день любви, семьи и верности случилось маленькое происшествие. Радует, что мы не отстаем от европейцев, отмечающих день Святого Валентина, укрепляем свои традиции.

Звонок в дверь реанимации. На пороге мужичонка средних лет. Помятый костюмчик великоват, похоже, куплен еще во времена молодости, скорее всего на свадьбу. В руках букетик цветов. Лицо человека, еще способного не пить, хотя бы пару дней.

– Я по поводу такой-то. Не разрешите пройти?

– А вы ей кем приходитесь?

– Я ее муж...

Странно... Названная им гражданка старше лет на 20, алкоголичка, найдена где-то на улице с проломленным черепом. Опухшая синяя рожа, беззубая улыбка. Может, в этом есть какой-то шарм, не берусь судить. После трепанации черепа постоянно улыбается. Откликается на имя Люська. Несколько дней была неизвестной, пока не пришла в рассудок. Один раз ее навестил сынок. Его спросили насчет документов, но сын сказал, что паспорт она потеряла неизвестно когда, еще во времена СССР. Российского так и не получила. О наличии страхового полиса спрашивать было смешно. Намек, что при отсутствии полиса за лечение придется пла-

тить, сынок сразу понял и больше не появлялся.

– Муж, говорите? И что?

– Да вот, хотел бы навестить, узнать, как она. Может, чего надо? Пропустите?

– Надо, надо. Документы ее нужны. А нет полиса – надо платить за лечение.

– Нет вопросов, я заплачу, только пропустите. Сколько надо?

– Идите в кассу, там вам скажут. У нас она уже восемь дней. И еще два-три дня пролежит.

Уходит. Мыслей, что вернется, не возникает. Но нет, удивительно, приносит оплаченный договор, заплатил сразу за 10 дней, что-то около шестидесяти тысяч.

– Ну а теперь разрешите пройти?

– Ладно, наденьте халат, только, пожалуйста, не долго.

Проходит в палату. И тут начинается действие. Тетка оказывается не его женой, а просто подругой. Да и знакомы они с ней были всего неделю. Как на эту пьянь мужичок запал, непонятно. Но, видно, сильно тосковал мужичок от одиночества. Как только законная жена слегла в больницу, лечить обострившийся цирроз печени, решил мужичок оттянуться, ощутить свободу. Лечилась его супруга на терапевтическом отделении, лечилась, но с тоски, забытая любимым, откушала портвейну и попала к нам в реанимацию, с кровотечением из вен пищевода. И лежит она на соседней койке, и смотрит на появление своего благоверного, с цветами... А тот двига-

ется явно не к ней и сразу не признает законную супругу, немудрено, нос распух от зонда Блэкмора, да сам зонд крепко бинтом к голове привязан, чтобы случайно не вырвала. Это сделать невозможно, но некоторым удастся.

– Кобель!..... Убью!..

Вскакивает, хватает табуретку из-под судна, бьет мужа по темени. Люська лежит, улыбается. Судном попадает Люське по голове. Шапочка Гиппократы смягчает удар, Люська продолжает улыбаться.

– Сука, и тебя убью, бляди, вы все тут заодно!

Вырывает из носа раздутый зонд Блэкмора, хлещет Люську по морде. Своей кровью из разорванного носа заливает пол.

Но тут сбегается персонал. Мадам заваливают на кровать. Вережки, галоперидол. Супруга отводят в сторону, перевязывают голову.

– Ой, ребята, спасибо, она у меня совсем бешеная.

– Слушай, мужик, а у твоей законной-то жены полис есть? Как-то она все обещала, что принесут, принесут, а так никто ведь и не принес. Мужик, смотри, платить ведь придется.

– Да нет проблем, ребята. Сколько? Я заплачу.

В гостях у Сальватора Дали

Всегда утверждал, главный признак, характеризующий человека интеллигентного, человека воспитанного, это желание любой ценой избежать публичности при отправлении своих надобностей. Личность высококультурная всегда будет искать уединения для столь интимного процесса и пытаться скрыть его результаты, спрятать выделенный конечный продукт питания, порой идя на определенный риск и преодолевая трудности. Чтобы ни у кого не возникло даже мысли о наличии у нее подобных низменных потребностей. Предупреждал, к таким индивидуумам в реанимации надо относиться с пониманием, внимательней, а лучше всего сразу привязывать. Убедились.

Утром слышу крик из палаты:

– Давай, дыши, сука! Дыши, блядь!

Подобные слова в реанимационном отделении не редкость, наверняка у кого-то остановка дыхания, идет процесс оживления. Дело обычное, рутина. Но надо идти посмотреть, лишняя пара рук в этом деле никогда не помешает. К тому же дела у пациента плохи, похоже, товарищ уже облегчился перед дорогой, из палаты реально пованивает дерьмом. Странно одно, в палате лежал всего один человек, мужичок средних лет, накануне ночью упавший с мотоцикла. Серьезных травм у него не было, товарищ лежал тихо, трез-

вел, вспоминая свое имя. Непонятно, что же могло с ним случиться?

Процесс реанимации выглядит несколько странно. Два молодца-санитара, навалившись на жертву, прижали ее к кровати, а третий, медицинский брат, прижимает к его лицу кислородную маску. Жертва извивается, пытаясь вырваться, не желая дышать кислородом. Требую объяснений, что происходит.

– Доктор, да вы посмотрите, что он наделал! Он в аппарат Боброва насрал!

Аппарат Боброва, устройство для увлажнения кислорода, примитивное до идиотизма, состоит из банки, наполненной водой, через которую проходит кислород. Действительно, гражданин, томясь от неудовлетворенного желания, проигнорировал стоящее рядом судно, открутил банку от висящего на стене аппарата и, спрятавшись под одеяло, вывалил в нее свой экскремент. И приладил банку на место в надежде, что не заметят, по крайней мере до его выписки. В итоге в банке в дистиллированной воде плавает отложенная внушительная личина, медленно расползаясь в шипящих пузырьках кислорода. А братья милосердия заставляют больного дышать кислородом, пропущенным через получившийся растворчик. Смешно... Действия персонала, естественно, одобряются, но прошу заканчивать ингаляцию:

– Прекращайте, вы его задушите. Всю палату уже провоняли. Кстати, а чего он там пищит?

– Просит прощения, говорит, что хороший, что больше не будет.

– Надо же, может, он и свое имя вспомнил?

– Вспомнил. А еще говорит, что у него свой автосервис на Полюстровском, говорит, приезжайте, пожалуйста, всегда, любой ремонт, для вас бесплатно.

– Нет, ребята, я бы к нему не поехал. Насыт еще тебе в радиатор.

– Правильно, и я бы поостерегся, может и в кондиционер нахезать, затейник.

– Ну слушайте, хватит, не дай бог, сейчас эпидемиолог придет посевы брать, а тут у нас дерьмо в стерильном аппарате плавает.

– Привязать его?

– А ты еще спрашиваешь. Вяжите.

Диспансеризация

Заставляют пройти медосмотр, диспансеризация – основа борьбы за здоровье населения. Понятно, что дело добровольное, никому идти неохота, но и лишаться премии тоже. Для начала раздали анкеты, ответьте, пожалуйста, на вопросы. Выявим, нет ли у вас каких болезней, заподозрим – пошлем обследоваться углубленно, к специалисту. Вопросы интересные, плохо, что отвечать можно только «да» или «нет». Ну как однозначно ответить на вопрос: есть ли среди ваших друзей алкоголики? Пришлось дописать от руки – исключительно. Похмеляетесь ли вы по утрам? Скорее да, если накануне рогами упираешься в землю, то как же иначе? А если не пью, то и не похмеляюсь. Странный вопрос... Пьете ли вы один? А если бутылочку пива захочу, что, компанию искать? Или захочу перед обедом сто грамм выпить, звать соседа? Можно, но тогда ста граммами не отделаешься. Пишу – да, пью один. Встаёте ли вы по ночам помочиться? Если да, то сколько раз? 1, 2, 3, 4, 5. Надоело, написал, что ради такой ерунды обычно не только не встаю, но даже и не просыпаюсь. Психиатр наш больничный все равно в отпуске. Хотя справка от психиатра все равно нужна, госнаркконтроль требует. Придется сходить в психоневрологический диспансер, в свой районный ебанариум. Пришлось по месту прописки тащиться в город, в совершенно в другой район, искать свой

психдиспансер в Петроградских переулках. Вот интересно, диспансер, расположенный в Приморском районе, жителей Приморского района не обслуживает, только Выборгского и Калининского. А диспансер Приморского района, куда его жители и должны обращаться, находится в районе Петроградском. Дурдом, одно слово.

Я люблю новое, вот и на этот раз в регистратуре обрадовали: теперь перед осмотром требуется энцефалограмма и заключение невропатолога. А где сделать? Так езжайте к себе, по месту жительства, в поликлинику, сделайте, а у нас ее нет. Хорошо, а можно обойтись? Можно, попробуйте, если заведующая разрешит, тогда, может быть, обойдемся без нее.

В диспансере хорошо, ни одного человека. Январь, наверное, холодная погода успокаивает воспаленные головы. Кабинет заведующей закрыт, спросить, когда появится, не у кого. У дверей ждет только местная санитарка с признаками тяжелой атаксии, явно перелеченная анксиолитиками. Санитарке не скучно, каждые пять минут встает, дергает ручку закрытой двери и сообщает, что заведующая еще не пришла. Простоять пришлось всего полтора часа. Зато доктор понравилась деловым подходом, задала единственный вопрос:

– Скажите, а вы нормальный?

Честно признаюсь, что разве может быть нормальным человек, почти четверть века проработавший в реанимации? Доктор соглашается, действительно глупый вопрос. Начинает оправдываться, понимаете, говорит, наркоконтроль всех

затраahal, к нам ходят толпами, все злые, скандалят, а вы хоть спокойный. И честный. Подписывает справку, выданную в регистратуре.

Интересно, если бы сказал, что нормальный, получил бы справку или нет?

На следующее утро после дежурства решил зайти к стоматологу. Вот знаешь, что все нормально, а все равно удовольствия мало. Особенно раздражает ожидание в коридоре, под звуки бормашин из кабинета. Ну хоть этот этап мне удастся пропустить. Стоматолог знакомый, всегда принимает без очереди. Однажды ему тоже пришлось побыть моим пациентом, когда его пьяного притащили ко мне в операционную с весьма интимной травмой. Как и где он ее получил, почему, я выяснять не стал, никаких намеков не делал. Коллега оценил деликатность, ну а когда выяснилось, что он ко всему еще ВИЧ-инфицирован, а я эту информацию скрыл, посчитал себя обязанным мне на всю жизнь. Работать ему скорее всего бы запретили. А стоматолог неплохой, жалко. Мне, например, он сделал прекрасный зубной протез, стоит уже скоро как лет десять. До этого успел сломать три, поставленных в дорогих стоматологических клиниках.

Нет, я не пользуюсь своим знанием в корыстных целях, если надо – плачу по прейскуранту, естественно, мимо кассы. Только если что – прихожу в любое время. Пока сидел в его кресле, вспомнил историю, как ходил к нему вставлять зубы.

Сломался протез верхней челюсти. Два передних зуба выбили мне еще в молодости. Меня это особенно не напрягало, разве что старался улыбаться пореже. Да еще беломорина на ветру иногда вылетала, прикусить было нечем. Но на работе нудят, иди вставь да иди вставь. А то заведующий, можно сказать, лицо отделения, и без зубов. Тем более очень часто последнее, что люди видят в своей жизни, – мою ослепительную улыбку. Пошел. Пришлось переделывать все заново. Депульпировали мне верхний клык, но неожиданно началось такое кровотечение, что пломбировать не стали. Сказали, придешь завтра. Я и поплелся на работу. Рот в крови, открыть боюсь. И как назло пришлось идти в приемное отделение, смотреть какую-то женщину перед срочной операцией. Женщина – пьянь лет 40–45, сентиментальная, как все алкоголички. «Доктор, у вас такой грустный вид, ну почему вы не улыбаетесь? Улыбнитесь, прошу вас». И так это жалостливо, что я не выдержал и засмеялся. Потом понял – зря. Сверху одиноко торчит клык, обточенный до белизны, а с него по капле стекает кровь. Женщина как-то сразу вся сжалась, притихла. Пошел в операционную, жду. Надоело. Позвонил в приемный покой, хирургам:

– Чего вы тянете? Почему не привозите больную?

А они мне в ответ, так ушла больная, ничего не сказала, расписку написала, что отказывается от операции, и ушла.

Получаю у приятеля справку о санации ротовой полости, теперь надо обдумать дальнейший путь. Терапевт в ме-

дицинской книжке распишется, ему нечего больше делать, как меня осматривать, разве что перекрестит фонендоскопом. За невропатолога распишусь сам, почерк у меня похож. Труднее поймать в поликлинике узких специалистов. ЛОР, кажется, уволился, но это не мои проблемы. Самый неуловимый – дерматолог, он единственный на весь район, принимает одновременно в двух поликлиниках и двух амбулаториях. Чудо, застаю на месте. Середина дня, но доктор надевает пальто, собирается уходить.

– А ты куда?

– Нет, ты представь. На меня сегодня жалобу написали, какой-то дед не смог якобы ко мне попасть, запаршивел, козел. Написал в комитет. Так мне главный врач приказывает, езжай к нему домой, извинись, проконсультируй. Нет, увольюсь я к чертовой матери. Мне сейчас ехать в эту чертову Блиндяевку, а вечером снова сюда. Пока катаюсь, еще человек десять на прием не попадут, потом что, ко всем кататься?

Доктор, человек молчаливый, неожиданно разговорился.

– Слушай, а ты не выпил? Давай лучше я тебя отвезу, на автобусе ты несколько часов прокатаешься.

– А как тут не выпить, я чуть-чуть. Тут с новой системой записи к врачам у нас вообще бардак. Забота о людях. Теперь можно через интернет, вот они там шарят, запишутся – и не приходят. А кому надо, тому не попасть. Видел в регистратуре объявление? Для записи к врачу-специалисту, войдите в личный кабинет... выберите дату...

– Надо еще написать: для владельцев платных аккаунтов запись вне очереди.

– Ну ты сказал, какой, нах... кабинет, аккаунт, когда половина наших бабок в деревнях мобильного телефона в руках не держала? Они и слов таких не слышали.

По дороге доктор продолжает:

– А тут на днях у поликлиники вообще митинг устроили, коммунисты старые объединились, флаг принесли. Странно, коммунизма давно уже нет, а коммунисты остались. Протестуют они, к врачу им не попасть. Ходили бы реже за бесплатными рецептами, может, тогда бы попали те, кому действительно надо. А главный все на нас, не умеете, говорит, не можете организовать работу, примем меры. Объединились они, понимаешь. Ты бы их рожи видел, эти рожи неплохо бы объединить с тротуарной плиткой. Вот я смотрю на коммунизм со своей точки зрения, как на болезнь. Помнишь известную фразу матроса Сиплого из «Оптимистической трагедии», что лучше революционный сифилитик, чем здоровая контра? На первый взгляд кажется, какая тут связь? Почему больной лучше здорового? Почему это революционер должен болеть сифилисом? А ответ прост, слишком много тут общего, между этими двумя болезнями.

Ну, во-первых. И та, и другая зараза поражает, скажем так, не самые благополучные слои населения, маргиналов, люмпенов, прочий деклассированный элемент. Это в основном. Но там и там есть исключения. Легко назвать не один

десяток известных гениальных личностей, болевших сифилисом, и множество успешных лиц, заразившихся идеями коммунизма. За примерами далеко ходить не надо, вспомним основоположников, эти не бедствовали.

У той и другой заразы есть свои разносчики. Большинство разносят ее по незнанию и глупости, не ведая, что больны сами. Но есть и идейные распространители, не желающие лечиться, а желающие заразить как можно больше окружающих. Такие тоже встречаются.

Обе болезни легко подавить в зародыше, в самом начале. Эффективно и с минимальными затратами. Достаточно одной инъекции в задницу или одной пули в затылок. Главное, во время успеть, лечение запущенных форм до сих пор проблема.

Ну и одна из главных объединяющих черт, она вот четко проявилась в последние годы. Это характер иммунитета. Знаешь такое понятие: нестерильный иммунитет. Пока организм носит заразу в себе, он не восприимчив к повторному заражению. Как писали старые авторы, в основном французские, а в этом деле они толк знали, не заболеть сифилисом можно только тогда, когда ты его имеешь. А только стоит вылечиться, как человек готов заболеть вновь, и не только готов, а зачастую очень даже активно начинает к этому стремиться. И тут все то же самое. Пока мы строили коммунизм, почти вся страна тихо ненавидела советскую власть, мечтая о скорейшем ее конце. Но стоило с коммунизмом покончить,

как начинается тоска по временам светлого прошлого. Призывы: давайте начнем все заново! Давайте попробуем еще раз! А вдруг получится? Не знаю, я не санитарный врач, но пробовать бы не советовал. Заразно. Одна всего разница, си-филис изучали и первые описывали французы, эксперименты ставили на своих, в тюрьмах заключенных заражали. А коммунизм, так его немцы придумали, а эксперименты ставили на нас, на русских.

Спасибо, что отвез. Подождешь? Ну тогда спасибо огромное. А ты, кстати, зачем приходил? Справка? Я завтра с утра буду точно, ты у всех своих санитарные книжки собери, принесешь, я подпишу.

Остались уролог и хирург. Ну с урологом вопросов нет, живем в одном доме, вечером зайду. Придется только пива купить. Да, еще флюорография. Но это надо сделать на всякий случай, мало ли что. Контингент у нас еще тот, подцепить туберкулез можно легко. Тоже, кстати, болезнь социальная.

А вот с хирургом небольшая проблема. Может и написать, что не годен. Старый хирург ко мне постоянно цеплялся, варикозная болезнь, говорит, у вас, вам бы работу полегче. А как ей не быть, когда часов по двенадцать приходится стоять на одном месте? И где ее взять, работу полегче? Но старичок поворчит, поворчит, да подпишет, сам из последних сил до пенсии тянул. Дотянул, сейчас в поликлинике новый хирург,

с ним я еще не познакомился, неизвестно, как он ко мне отнесется. Тем более, поговаривают, что вид у парня более чем гламурный и говорит томным голосом. Не будем рисковать, есть у меня человек, коллега, всегда готовый помочь в любом деле за умеренное вознаграждение в виде натурального продукта. Человек с интересной способностью, можно сказать, уникальной. Остается только позавидовать. Выпив, особенно выпив изрядно, он просто сливается с окружающей обстановкой, становится практически невидимым. Именно про таких придумано выражение: «пьян в дымину». Как дым тает в небе, становясь незаметным, так и он растворяется в среде. Может быть, по этой причине до сих пор не только не выгнан с работы, но и серьезных проблем из-за пьянства никогда не имел. Растворяется он часто, порой с самого утра. А может, его просто терпят, в трезвом виде бывает незаменим. Сколько раз обещал себе никогда, никогда больше не иметь дел с алкоголиками. Пьющие друзья, родные – это прекрасно. Но никаких деловых отношений и совместных проектов. В очередной раз нарушил слово.

Накануне, договорившись о встрече, захожу к товарищу на работу, в его поликлинику. Хочу предложить взаимовыгодное дельце. Поднимаюсь на третий этаж, стучу в дверь. Тишина. Странно, кабинет открыт, но внутри никого. Неосторожно, в кабинете аппаратура, аппарат УЗИ, два кардиографа, еще какая-то непонятная техника. Я бы не стал рисковать, оставляя дверь открытой. Захожу, готовлюсь

ждать, заодно постерегу имущество. На столе включенный компьютер, сажусь, читаю новости. Ожидание начинает надоедать, товарищ мог пойти за пивом и заблудиться. И почему не закрыл кабинет? Нехорошо, договаривались. Набираю его номер. Телефонный звонок раздаётся где-то сзади...

Оборачиваюсь. И чувствую, как покрываюсь потом от ужаса. Товарищ мой сидит в кресле в метре у меня за спиной. Спит. Ну не мог я его не заметить, заходя, сам собирался сесть в это кресло, но из-за включенного компьютера сел к столу. Да, согласен, у меня нарушено цветоощущение, но не заметить человека в синей рубашке на фоне красной обивки кресла? Для меня эти два цвета почти как черный с белым для нормальных трихроматов. Будить смысла не было, хотел поговорить о деле, но какие уж тут дела. Опустил собачку у замка, вышел, захлопнул дверь. Плохо, в восемь закроют поликлинику, если до восьми не проснется, не выберется наружу, придется ему ночевать в кабинете. Без пива.

Наконец через день застаю человека трезвым, объясняю задачу: встречаемся завтра утром у регистратуры, я отдаю тебе свою карточку, и ты за меня идешь к хирургу. А я пока сбегая к окулисту. Потом карточку передаешь мне. Все. Надо сказать, что товарищ, хоть и на пару лет старше, в молодости занимался гимнастикой, имел успехи. И до сих пор, несмотря на свое пристрастие к Бахусу, в очень неплохой физической форме. Поэтому в успехе мероприятия сомнений не было. Главное, чтобы пришел трезвым. Наутро встре-

чаемся в моей поликлинике, приятель в предвкушении гонорара, даже не пил накануне. Показав паспорт, получаю направление к хирургу, отдаю. С богом...

Через пару часов встречаемся. Друг не подвел, в графе «Хирург» стояло слово «Здоров». Вручаю полтора килограмма вознаграждения (две бутылки по 0,7), интересуюсь, как все прошло.

– Да нормально, никто ничего не заподозрил. Только смотри, ваш хирург, он педрилла, он тебя может вызвать. Он твою фамилию на отдельном листочке записал. Обещал позвать на повторный осмотр.

С чего бы это? О том, что наш новый хирург с голубизной, доходили какие-то слухи, но какое мне до них дело? Требую подробного отчета.

– Ты понимаешь, ты ж мне не сказал, чего от меня хочешь, так я и не переоделся. Я в наших трусах к нему на прием и заявился.

И как-то постепенно начинаю осознавать ужас ситуации. Наши трусами мы называли одноразовые импортные изделия, предназначенные для проведения колоноскопии. Нормальные по виду трусы, голубенького такого цвета, с одной конструктивной особенностью, технологическим отверстием в соответствующей области для проникновения эндоскопа. Пару лет назад спонсоры-благотворители зачем-то притащили нашему эндоскописту несколько коробок. А поскольку на среднестатистическую российскую задницу они

не налезали, размер имели где-то около пятидесятого, да и нет у него в кабинете примерочной, переодеться, он раздавал их всем желающим. Любители брали их в походы, в отпуск, чтоб не заморачиваться со стиркой. А мой товарищ как человек крайне экономичный, что понятно, двое детей, алименты, страсть к спиртному, взял себе пару коробок. И носил...

Товарищ хрустнул колпачком одной из бутылок, сделал глоток:

– Захожу, значит, я к нему в кабинет. Раздевайтесь, говорит, подходите. Раздеваюсь, подхожу. Присядьте. Присел. Повернитесь, наклонитесь. О, говорю, это я люблю...

А товарищ со времен спортивной юности сохранил удивительную гибкость в членах и легко, наклонившись, касается пола не только локтями, но может даже зубами поднять с пола наполненный стакан без помощи рук, что порой с удовольствием демонстрирует. И, естественно, выпить. Хотя годы свое берут, в последнее время больше двух стаканов от пола оторвать не может, падает.

– Поворачиваюсь, наклоняюсь. Ну и сам понимаешь, прямо перед его рожей дырка в труснях, в аккурат напротив очка. Он так смотрит, смотрит, понятно, говорит, одевайтесь. Как ваша фамилия? Я, естественно, называю твою, как договаривались. Потому смотри, если он тебя вызовет, не удивляйся.

– Ладно, пусть сам меня ищет. Если найдет, скорее всего,

он сам удивится.

Семейные ценности

Мало кто верит, что самое большое количество смертей от общего переохлаждения случается не в самые холодные месяцы года, а летом, особенно в мае и августе. Погода на Севере переменчива, ночи прохладные, сыро. Любителям ночевать на пленэре не стоит больших трудов заснуть на солнышке, а проснуться в луже под дождем с отмороженными ногами или даже не проснуться вообще.

Не возразишь, приятно встречаться с потомственной династией, в которых молодежь продолжает дело старших поколений. Наблюдаю, как вырос, возмужал потомок одного из старейших моих клиентов, ныне, к сожалению, покойного. Когда папенька загибался от панкреонекроза, естественно, на фоне неумного алкоголизма, сынок еще рукавом подбирал слюни с подбородка, глотать ему было тяжело, язык с трудом помещался во рту. Речь соответствовала внешности:

– А че? Папка-то помрет, а? Да? О! Ну е..., я там, я, короче, потом зайду.

Но сын подросток, жизнь научила его глотать, и не только слюни. Возможно, природа для него изобрела какой-то необычный способ проглатывания пищи. Лягушка, например, прекрасно глотает с помощью глаз. Надо сказать, что предок его имел странное хобби: каждую зиму отмораживать руки. И регулярно теряя пальцы, кисти, незадолго до

кончины остался с двумя кульями, чуть ниже локтей. При этом совершенно свободно себя обслуживал, зубами открывая бутылки, а стакан, зажатый между обрубками, отобрать у него было практически невозможно. Неоднократно приходилось в этом убеждаться. Запомнился он еще одним эпизодом. Потребовалась ему срочная операция, кажется, случилось прободение язвы. Дежурный хирург осмотрел, дал команду везти в операционную. Но товарищ поднял крик на всю больницу:

– Пошел ты на...! У меня есть лечащий врач – женщина, я всегда у нее лечусь. Пока она не придет, я тебе, е...му пидарасу, согласие на операцию не даю! Женщину мне сюда приведите! Женщину хочу!

С одной стороны, радовали красота и четкость формулировок в отношении хирурга, а в тот день в качестве хирурга дежурил начмед, но и затягивать с операцией не хотелось, время приближалось к полуночи. Убеждали всем отделением:

– Послушай, друг, я все понимаю и даже тебе сочувствую, без бабы тяжело. А безрукому без женщины тяжело вдвойне... Но пойми – время. Тянуть с операцией опасно.

Получить согласие на операцию так и не удалось, пришлось послать «Скорую» домой за его бывшим лечащим врачом.

И вот сынок унаследовал от папеньки не только слабость к спиртному, но и его увлечение. И даже превзошел, не стал

ждать холодов. Правда, начал с ног, уснув на болоте, рядом с поселком. Скоро узнаем, на каком уровне придется ампутировать. Но главное, как говорил один из бывших руководителей, – начать, и процесс пойдет. Жаль, что папаня в свое время не успел отморозить яйца.

Эндокринология

Подслушал странный диалог в своей поликлинике, в регистратуре.

– Скажите, а можно как-то попасть к эндокринологу?

Ответ:

– А эндокринолога у нас сейчас нет, а с августа совсем не будет.

– А Нарзикулов принимает?

– А это кто?

– Участковый.

– А вы не перепутали? Может, Рахманкулов? Принимает, только зачем он вам нужен?

Глупый вопрос, зачем участковый врач нужен. Не лечиться же, на самом деле?

Вспомнил, как-то сам побывал на первичной специализации по эндокринологии, даже сертификат имею. Правда, эндокринологом работать никогда не собирался, но за районного вполне бы сошел. А было так. Ординатура. А я как-то не очень ловко чувствовал себя в роли клинического ординатора, был постарше своих сокурсников, успел несколько лет поработать, и мыть доску перед лекциями профессора было тягостно. Так что такой шанс исчезнуть с кафедры на пару месяцев упускать было грешно. Пусть эндокринология была особенно и не нужна. Кетоацидоз ты и так лечить умеешь,

дело нехитрое, а если какая иная эндокринная хворь загоняет человека в реанимацию, то чаще всего это состояние выражается простым русским словом, которое обозначает абсолютно все на свете, а особенно то, что мы уже не лечим. Но была возможность, решил пойти. В группе из сорока человек нас собралось трое. В смысле – мужиков. Я, полковник из госпиталя ФСБ и главврач районной больницы из какого-то уральского городка. Даже запомнилось его имя, особенно отчество – Ермогенович. Мои цели были понятны, что привело полковника – осталось загадкой, он позиционировал себя как гастроэнтеролог, а пожилого главврача – простое желание получить бумажку о прохождении любой специализации. Чистая формальность, раз в пять лет необходимо для подтверждения категории. Сам он лет тридцать проработал эндокринологом, и нужны ему были эти курсы как короста, а нужен был повод вырваться на пару месяцев в культурную столицу. Стоит ли говорить, что трезвым его никто ни разу не видел, а в последнюю неделю он ушел в такой глухой штопор, что мне пришлось за него получить бумажку об окончании курсов и выслать на Урал. Он нас предупредил заранее о такой возможности, что скорее всего за несколько дней до окончания учебы, как обычно, придет жена и заберет его домой. Так и случилось. Остальная публика была женского рода, в основном из провинциальных терапевтов, поэтому на нас смотрела с пониманием, угощая мятными леденцами.

Занятия наши были построены однотипно. В день три па-

ры. Первая – профессорская лекция, тут все было спокойно. Вторая – клинический разбор, который заставлял поволноваться, и третья, так называемые практические занятия, собственно, та же лекция, но читаемая преподавателем рангом пониже. На профессорской лекции Ермогеныч томился. В первый же перерыв в курилке выпивалась принесенная бутылка «Столичной». Иногда на троих, изредка со скромной закуской. Остальное время уральский доктор спал, положив голову на стол, посасывая во сне подаренную конфетку. Никакие наши попытки перейти на иные напитки типа перцовки или «Ерофеича», которые бы не били кувалдой по мозгам, а накатывались бы длинной океанской волной, оставляя время для общения, ни к чему не привели. А смысл в этом для нас был: на клиническом разборе спрашивали. А поскольку мы с полковником в эндокринологии были полные нули, вся наша надежда была на Ермогеныча. Приводили больных, предлагали с ними беседовать, высказать мнение. Ладно, когда приползет двухметровый лось с нижней челюстью до живота и в тапочках размера так шестидесятого. Тут вопросов нет. Но когда в аудиторию весело запрыгивало круглолицее существо на тонких ножках, приходилось будить специалиста.

– Ермогеныч, глянь, чего там привели?

Тот открывал глаз и, не поднимая головы, отвечал:

– Это Кушинг. Болезнь.

– Точно болезнь? Не синдром?

– Точно.

И снова падал в сон. И тут, если вызывают для беседы, ты уже демонстрируешь свою наблюдательность:

– Как же! Это же сразу понятно, о чем тут еще можно думать?

Бужу еще раз, заходит молодая девушка с бледным лицом. Ермогеныч:

– Да у нее сейчас гипогликемия будет, срочно дайте ей конфету!

Точно, оказалось, девчонка не успела позавтракать после инсулина.

В минуты просветления пытались выяснить, Ермогеныч, поделись секретами, как ты диагнозы ставишь? Просто, говорит, поработай с мое. И скажу вещь, все диагнозы у нас ставятся по внешнему виду, остальное все чушь. Анализы там всякие – херня. Вот у тебя со временем проблемы будут, когда только, не знаю, так что если что – звони.

Доброе утро

Русский народ всегда по-доброму, со снисхождением относится к тем, кто проснулся не там, где планировал, а далеко от того места, где померкли остатки сознания. В ответе на вопрос, часто задаваемый у ближайшего метро: «Мужики, а где я? А какое сегодня число?» – звучит уважение, даже с некоторой долей зависти: «Ну ты, парень, вчера дал! Похмелись». И почти все при необходимости окажут посильное финансовое содействие. Лично я в таких случаях – всегда. Хотя нищим на улицах никогда не подаю, не доверяю, но если честно попросят опохмелиться – не отказываю. А встречаться с теми, кто заблудился в пространстве, приходилось часто. Редко кто в Петербурге не встречал изумленного гражданина Суоми, не понимающего, в какой он стране. Их в советские годы даже частично уравнили в правах с нашими соотечественниками, из всех жителей стран враждебного лагеря только финнов разрешалось держать в наших родных вытрезвителях. Без всяких проблем с консульством и лозунгов о правах человека. Хотя о том, что имеют дело с иностранным подданным, сотрудники обычно понимали, только раздев его до трусов. В те годы их нижнее белье резко отличалось от родного. Документов чаще всего при себе не было. Зачастую оставалось загадкой, как они пересекали границу, которая, как известно, была на замке. Попадались фин-

ны с паспортами без штампа о въезде в СССР. Помню, как один неопытный сержант, дежурный в вытрезвителе, держа в руках такой паспорт, хотел сообщить куда следует о факте незаконного проникновения в первое государство рабочих крестьян в надежде, что поймал шпиона. Но старшие товарищи отговорили, пусть чухонец сначала проспится, вспомнит свое имя – пусть идет.

Помнится, один пьяный финн как-то раз здорово подвел. В конце восьмидесятых на Театральной площади вырыли огромный котлован, метров десять в глубину. И внизу, понятное дело, какая-то жижа. И никаких тебе красных флажков, никаких ограждений. Как говорится, у нас красный флаг один, всегда об опасности предупреждал. Вот в эту яму пьяный финн и нырнул. Откуда ему знать, что в центре города может быть такая яма. Когда мы на «Скорой» приехали, он уже не барахтался, только одна рожа из воды торчала, пузыри пускала. Непонятно, как его прохожие заметили, «Скорую» вызвали и милицию. И чего делать, вызвать пожарников? Пока те приедут, минуты три-четыре, и человек захлебнется в этой жиже. Пришлось пэпээсникам связать друг друга за руки ремнями, а меня, я тогда полегче был, спустить вниз. Там я этого кадра тросом буксировочным привязал, и наверх мы его вытащили. Тут как раз милицееское начальство подъехало, руководство. Что, как? Молодцы, ребята, отметим в рапорте. Представим к награде, обещаем. А он еще и иностранец? Тем более осветим в прессе, дружба на-

родов, интернационализм, самоотверженная работа. Хорошо, говорю, только мы пока отвезем гражданина в больницу, пока не замерз окончательно, ноябрь. И, естественно, в пьяную травму. Было такое веселое отделение при десятой городской больнице на Петроградской, куда со всего города свозили всю пьянь с незначительными травмами. А там глухой двор, и в конце стена до третьего этажа. А за стеной военная часть, аэрокосмические войска. Понятное дело, часть секретная. А мой финн лежит себе на носилках, вроде спит. Но только я дверь в машину открыл, выходи, приехали, он неожиданно вскакивает, бегом наружу и по этой стене вверх. Стена практически гладкая, как он по ней залез? Человек-паук. И через нее, через колючую проволоку вниз, во двор воинской части. А там как раз вечернее построение. И слышим сначала смех, крики, понятно, такое чудо сверху свалилось, человек весь в глине. А потом притихли, пришли во двор больницы два офицера, ваш человек? Наш. А как иностранец в секретной части оказался? Просто, говорите, пьяный? А не было умысла? Умысла не было, это точно. Но скандал потом был. Неприятностей, правда, у меня не было, но и медали «За спасение утопающих» тоже.

Помнится еще один гражданин Республики Беларусь, который неожиданно для себя оказался на Варшавском вокзале в Петербурге. Сотрудников линейного отдела насторожил его испуганный взгляд и его вопрос: «Что это за город?» Из документов нашелся только пропуск, удостоверяющий,

что товарищ работает слесарем-ремонтником подвижного состава на белорусской чугунке, в городе Брест. Как удалось выяснить, гражданин ездил в гости к друзьям в Витебск. Видимо, удостоверение давало право бесплатного проезда. После короткой встречи друзья положили его в нужный поезд, Петербург – Варшава, но совершив небольшую ошибку, перепутав направление поезда. И он вместо родного Бреста проснулся в Петербурге от падения с верхней полки.

Ну что ж, хоть товарищ был уже почти не пьян, но сообщал еще с трудом, идти в чужом городе с разбитой рожей некуда – поехали в больницу, в пьяную травму. Поехали. Половину пути страдалец доставал меня вопросом:

– Слушай, ну скажи, что за город? Это Смоленск?

Почему его заклинило на Смоленске, я так и не понял, вероятно, Смоленск он посещал прежде.

– Нет, – говорю, – это Петербург. Ты что, в Питере не был?

– Никогда.

– Ну вот и хорошо, заодно и посмотришь.

– Да нет, ты мне врешь, что это за река?

– У нас она называется Невой, в Смоленске Днепром. Ты хоть на картинке Питер видел?

– Ну видел.

– А что видел?

– Медный всадник видел, на открытках.

Хорошо, прошу водителя свернуть в сторону, проехать через площадь Декабристов.

– Видишь? Вот Медный всадник, вот Исаакиевский собор.

– Да нет, ты пи...ь, ты мне какие-то картинки показываешь.

– Какие картинки? Смотри, вон за мостом Петропавловская крепость, напротив Эрмитаж. Чего тебе еще показать?

– Бля, похоже, похоже, я в Питере, черт, что же делать? Надо похмелиться.

Вот это правильно. Прошу водителя:

– Притормози. Вон ларек, там пиво. Деньги есть?

– Деньги есть, могу и вам взять.

– Не откажусь, иди.

Пока белорус выбирал напиток, выхожу из машины покурить. Неожиданно слышу крик продавщицы, не желающей принимать валюту:

– Иди ты на х... со своими зайчиками!

Оказалось, мой пациент, достав из кармана пачку белорусских рублей, пытается расплатиться ими за пиво. Ну раз обещал, пришлось купить ему пару бутылок. Выпив, человек стал рассуждать более здраво.

– Так, обратно поеду, друзьям однозначно пиз...лей дам. Только что мне делать, я ведь сегодня должен быть на работе?

– Ничего, – говорю, – тебе справку в пьяной травме выпишут, что сегодня ты находился у них со ссадинами лица. Хоть справка и не оплачивается, но вполне законное осво-

бождение от работы.

– А как я объясню, чего я в Питере делал?

– Скажешь, приезжал в пьяную травму лечиться, наверное, во всем мире она такая одна. Завтра с утра тебя выпишут, поезд где-то в пять, город посмотришь. Сходишь в музей.

– Плохо одно, на работе неприятности будут. А наши деньги у вас меняют?

– Да брось, не все так плохо, ты только представь, что бы было, если бы тебя положили в поезд в сторону Бреста? Не проснулся бы вовремя, легко бы мог проскочить границу. Такое бывало. И проснулся бы ты в Варшаве. И куда ты там со своими зайчиками? Не знаю, как в Польше, у нас их в обменниках не берут. Проще с проводником договориться, все же свой, железнодорожник. Так что не переживай, уже приехали, иди лечись.

СОЛОВКИ

Вспомнил, как пару лет назад побывал на Соловках. Ехал из Мурманска, устал, решил переночевать по пути. Заехал в город Кемь, остановился в гостинице. Пусть оород Кемь и представляется кому-то жопой мира, пусть в этом кто-то и не далек от истины, пусть считают название города сокращенной формой резолюции, которую накладывали цари и императоры на документы ссыльных: отправить К Ебаной Матери, сокращенно, в Кемь, но побывать в Кеми и не съездить на Соловки просто глупо. Регулярно туда ходит один рейсовый теплоход, Василий Косяков. Кстати, странно, долго не мог вспомнить, в честь кого он назван, думал, в честь какого-то героя. Потом дошло, в честь архитектора, был такой, «Василий Косяков». Каждый день мимо его сооружений проезжаем, а кто построил, спроси любого, не ответят, обидно. Да вы что? Морской собор в Кронштадте – это его произведение. Ну ладно, захотите, потом расскажу. Единственный, наверное. Теплоход, названный в честь архитектора. Да и теплоход небольшой, скорее катер. В народе, естественно, – «Косяк». Отправляется он в 8:00. Остальные теплоходы, в том числе два монастырских, – от случая к случаю, их в основном арендуются паломники. Если есть места – берут одиночных пассажиров. Снял я до утра номер в гостинице рядом с портом, вечером коротал время, прогуливался по причалу. На при-

чале дежурит инок, встречает группы паломников. Кого-то организовывал для посадки на принадлежащие монастырю теплоходики, кого-то провожал на ночлег, на подворье Соловецкого монастыря. Почему-то прибывало очень много автобусов с паломниками с Украины. Как я заметил, инок, таясь от мирян, согревался водочкой, закусывая сие бутербродами с салом. Сало с бутылкой пряталось в широких рукавах рясы. Север. Холодно. Слышу, на одном из монастырских теплоходов раздаются крики. Отец-шкипер отказывается отчаливать, теплоход перегружен. Волна перекатывалась через палубу. Толпа паломников выталкивала с теплохода женщину с пятилетним ребенком. Они оказались лишними, не из их группы. Лишний груз. Женщина кричит, матерится. С уже отчалившего теплохода на причал полетели две ее сумки.

Монах явно искал повод завязать беседу.

– На пути к благодати нет для православного человека границ рукотворных, – изрек он, обращаясь в сторону моря, но так, чтобы я слышал.

Мой ответ был покороче:

– Быдло.

– Верно. Нет благости в людях, беда, – произнес монах. – Сам-то ты откуда?

– Из Питера.

– Археолог или паломник?

– Да нет, просто хочу монастырь посмотреть, на утро билеты купил на теплоход.

– Правильно. В храм надо идти одному, своей дорогой. Если замерз, раздели трапезу.

Инок понял, что я заметил его манипуляции с рукавами рясы. Я отказался, сославшись на то, что был за рулем.

– Ну, тогда за здоровье! – глубокий глоток из горлышка.

Я решил воспользоваться разговорчивостью инока:

– Батюшка, а чего так с Украины паломников много?

Откусывается кусок бутерброда.

– Наверно, думают, что Соловки от слова «сало». А если серьезно – надоели уже. Весь остров перекопали, – отец неожиданно переходит на феню. – Ищут на Соловках могилу последнего куренного атамана Запорожской сечи Калнышевского. Он у нас парился на Соловках в подземелье 26 лет. При матушке Екатерине Второй. На Соловках климат хороший, в ваших Крестах столько не просидишь. Ну а после отсидки, как амнистия ему вышла, так и оказалось, что ехать-то ему уже некуда. Кому он у себя на Украине нужен? Постригся в монахи и еще с десятков лет прожил, до ста десяти. У нас и помер. Так они хотят из него сделать первого самостийного украинского святого. Теперь им надо обрести мощи. Надгробный камень, кажется, нашли, поклоняются. Только его он или не его – бог ведает. А костей-то у нас на острове много, только чьи они?

– Так, кажется, чтоб святым стать, нужно, чтобы еще и чудо свершилось?

– Чудеса будут. За чудесами дело не станет, это я гаранти-

рую. Скоро начнутся. Или явится икона чудотворная, салоточащая, или за ночь оселедец у лысого хохла отрастет. Тут и не такие чудеса бывают. А сам-то я думаю так, что монастырь просто многим из них близок по духу.

Я попросил объяснить логическую цепочку.

– Да посуди сам. Сколько раз монастырь подвергался осаде, обычно не серьезной, но и монахи наши воинской храбростью не отличались, а больше в молитве спасения искали. Однако стены крепости спокойно удерживали пару сотен стрельцов Ивана Грозного или отряд петровских солдат во времена раскола. И всегда находился один предатель. Открывал для врагов потайной ход или ворота. В каком кино ты видел украинский партизанский отряд без предателя?

Отец продолжал:

– Я через три дня на острове буду, ты задержись. Съездим, помолясь, на рыбалку. Я такие места знаю. Дальние скиты посетим. Куда не всем мирянам входить дозволено.

Тут уже отец стал напоминать егеря Кузьмича. Водочка действие возымела. Жаль, что не удалось продолжить знакомство. Трех дней в запасе у меня не было. Отец заставил записать номер своего мобильного. Просил обязательно позвонить, когда в следующий раз соберусь на Соловки.

– Места у нас дивные. Отдохнешь.

– Да вообще на Соловках отдыхал мой дедушка. В тридцать восьмом. Там и остался. Расстрелян.

Инок начал нараспев:

– Прими, Господи, души невинно убиенных рабов твоих...

Пора было идти в гостиницу спать.

– Вот-вот, все мы сейчас вместо Крыма летом на Соловки поедем отдыхать.

О геополитике

Заговорили на работе о геополитике, стоит ли японцам возвращать южнокурильские острова. Мнения разделились. Слово взял врач-эндоскопист.

– Когда-то я служил на Дальнем Востоке, в госпитале, и получили мы новую технику, японские эндоскопы. Оптика – супер. И вот как-то одному, кажется, майору, ну точно не помню, помню, что кому-то из старших офицеров, понадобилось сделать гастроскопию. А гастроскоп был в работе, занят. Но командир приказал сделать срочно. А что делать, приказ. И решили наши мастера залезть ему в желудок колоноскопом. Майору объяснили, майор не возражал, ну надо так надо, ну и что, что чуть-чуть потолще. К майору в глотку влезет все. Но во время процедуры, сволочь, выплюнул загубник и сжал эндоскоп зубами так, что с трудом вытащили. И естественно – перекусил. Техника новая, на гарантии, вызвали представителя с фирмы. Приехал человек из Японии, посмотрел... О чем подумал японец, когда увидел следы зубов на колоноскопе, на самой его середине, осталось тайной. Представить себе, что его запихивали в желудок, японец явно был не в состоянии. Ему было легче допустить наличие зубов в заднице офицера. Как выражается удивление на лице японца, не знал никто. Но японец замолчал, молча заменил оптику, отказался от предложенного обеда и уехал. И даже

сядась в самолет, не сказал ни слова. Но зато он понял наверняка, понял, что эти люди никогда острова по-хорошему не отдадут, зубами вцепятся, задницей своей, но не отдадут.

День Военно-морского флота

Праздник, день Военно-морского флота. По радио соответствующие песни: «И тогда любой из нас не против хоть всю жизнь служить в военном флоте...»

Правда, обо мне флот вспомнил только лет через пять после окончания института, в начале 90-х. Повестка. Прихожу в военкомат. В кабинете – капитан, на лице – явные последствия тяжелой контузии.

– Так, ты у нас кто? Хирург?

– Да не совсем...

– У меня написано – хирург. Пойдешь на командирские курсы, потом решим, что с тобой делать.

– Не пойду.

– Это почему?

– Рад бы, но ваши курсы без отрыва от работы, не получится. Я сутками работаю.

– Пойдешь как миленький.

– Да нет, хотите – призывайте на сборы, пойду. А на курсы не пойду.

– А может, тебя в армию призвать? На два года?

– Пожалуйста, призывайте.

– Ты чего, ёб...й?

– Так точно. Призывайте. В Балаклаву поеду с удовольствием.

– А на Дальний Восток не хочешь? Я тебе устрою!

– На Дальний Восток не хочу, хочу в Балаклаву.

– Нет, ты совсем ёб...й. Чего, не видишь, что творится? Флота через год не будет. Иди ты на хуй, и чтоб больше тут не появлялся! Понял?

Но вскоре пришлось нарушить приказ, понадобилась справка из военкомата. В архиве девушка смотрит какие-то списки и отвечает:

– А вы у нас на учете не состоите, вы погибли.

– Интересно, как это я погиб?

– А вот, написано, в Афганистане, интернациональный долг....

– Да вы чего, с ума тут все посходили? Ищите мое дело.

Поразил какой-то спокойный будничный тон секретарши, я бы, например, удивился, беседуя с ожившим покойником. Сзади, в очереди, стоит женщина, начинает меня успокаивать:

– Да вы не волнуйтесь, я за паспортом сына пришла, а мне вот тоже сказали, что он погиб, а он мне письма шлет, звонил вчера...

Дело нашли. Как-то оно действительно попало в архив вместе с погибшими. Не знаю, может, тот капитан туда и отнес. Ну и пусть там лежит, не возражаю.

Еще лет через десять снимался с учета, менял квартиру. Пришел в военкомат седьмого марта, после обеда. На удивление, дело нашли быстро. Очень веселый майор спрашива-

ет:

– А чего это ты к нам не приходил? Тебе дважды очередное звание присвоили, ты теперь капитан, поздравляю с присвоением очередного... Короче, беги-ка по такому делу в магазин.

– А когда это мне звание присвоили? Посмертно, что ли?

– Так вот пять лет назад, приказ министра. Распишитесь.

– Так вот пять лет назад и надо было вызвать, поздравить и послать в магазин, а сейчас – ставьте штамп, что снят с учета.

В новом военкомате встал на учет, и больше повесток не приходило. Хотя нет, однажды военкомат очень пригодился. Решил пройти специализацию. По месту работы никак не хотели давать путевку, понимали, пройду цикл, получу сертификат и уволюсь. Пришел в военкомат, зашел в отдел, занимающийся офицерами запаса. Намекнул, что не против поучиться, могу быть полезен для вооруженных сил. Сидевший там майор чуть не заплакал: «Где ж ты был, мы никак не можем команду набрать на трехмесячный цикл по анестезиологии, в Москве, в госпитале Бурденко». Это вы где были? А когда начало цикла? Так завтра, уже не успеешь. Я? Выписывайте повестку, сбегая, покажу на работе, а утром буду в Москве. Жить там мне есть где, тут без проблем. Хоть и зима, но за ночь до столицы на машине доехал, поучился. Не зря.

А в следующем году, по идее, должны вызвать, снять с

учета окончательно.

Итоги года

Приближаются новогодние праздники. Середина декабря, сегодня встретил первого Деда Мороза, поехали уже. Дед что-то искал в силовой установке своей повозки. Но не настоящий, без бороды, снял, видно, мешала ему борода чинить мотор. Раньше, помнится, Дедов Морозов из «Невских зорь» уважали, возили на такси. Еще в детстве удивлялся их способностям напиваться за несколько минут, когда приглашенный ко мне Дед уснул в нашем общем коридоре. Да еще и знакомым оказался, общественником из папашкиного профкома. Когда подросток, даже завидовал. Помнится, как-то под Новый год остановились у подъезда с соседом-приятелем, закурили. Такси подъехало, вышел Дед со Снегуркой, начал свою речь: «Здравствйте, детишки, девочки-мальчишки!» Видно, что выпивший, но чуть-чуть, для настроения. Спросил, где квартира, и ушел в парадняк. Сигарету не успел выкинуть, дверь нараспашку, вылетает Дед Мороз, пробегает мимо и в сугроб падает. И все. И Снегурка за ним, матерится, просит, помогите этого козла в тачку запихать. Как так, думаю, можно быстро набраться, ведь наш персонаж, родной, должен быть стойким, сказочная печень должна держать удар. Приятель мой постарше был, в Дедов Морозов уже не верил. Говорит, а ты представь, пара стаканов в нем наверняка уже была, весь вечер катается туда-сюда, из хо-

лода в тепло, из тепла в холод. У нас в доме тепло, налили стопку, его в тепле и растащило. Кстати, он к моему соседу приходил, пойдем поздравим, может, и нам нальют.

Но нужно сказать слово в защиту Дедов Морозов. Работа у них не простая, порой опасная. Там нальют, тут нальют... Один раз самому пришлось побывать в его роли и понял и запомнил навсегда, трезвым этого делать никак нельзя.

Как-то раз моему брату выдали в профкоме костюм Деда Мороза, поручили зайти, поздравить детишек. Дали мешок с заранее купленными подарками. Сказали, тебе недалеко, два ваших ведомственных дома рядом, как раз вечером перед Новым годом и сходишь. А к тем, что живет подальше, приедет профессионал из «Невских зорь». Считаю, что тебе повезло, их постоянный Дед Мороз то ли заболел, то ли срочно уехал в командировку. А штатная профкомовская Снегурочка, как назло, перед самым праздником попала в роддом. А у тебя, говорят, фактура подходящая, рост, борода. И внешность чисто славянская, что в его конструкторском бюро было редкостью, остальные по пятому пункту никак не подходили на роль русского сказочного персонажа. Сходишь – получишь отгул. Ничего, это в первый раз тяжело, потом понравится. Брат поначалу запаниковал, как быть, а надо сказать, что он страдал элементами агорафобии, и участие в публичных мероприятиях, а тем более в самодеятельности, было для него пыткой. Позвал меня для совета. Сели мы, подумали, естественно, выпили. А время уже

поджигает, вечер 31-го. Решили, ничего, справимся, даже без Снегурочки. Поначалу меня попытались нарядить внучкой, но костюмчик оказался коротковат, до пояса. Брат после полулитра вроде бы уже и согласился на женскую роль, но сбрить свою бороду отказался наотрез. Тогда, говорит, придется бриться каждый день, лень. А в те годы бородастая Снегурочка никак бы не прокатила, не те были времена. После второй бутылки перцовки решение нашлось. Одна голова – хорошо, а две всегда лучше. Были мы тогда стройными, влезли вдвоем в один халат, я справа, брат слева, мне нацепили бороду, брату она была и не нужна, взяли гармонь, приняли еще для храбрости и пошли. Что мы играли, не помню, можно только догадаться, наверняка что-то не очень сложное, может быть, каждый свое, я правой рукой, братан на аккордах левой. При этом что-то пели, опять-таки не помню что. Можно только догадаться. Даже что-то по ходу сочиняли сами: «Я двуглавый Дед Мороз! Я чего-то вам принес...» И постоянно падали. Хорошо, в ту зиму было много снега, падали часто, но без последствий. Зато каждое падение было поводом сделать еще по глотку. А мешок с подарками, матерясь, за нами тащила на санках трезвая жена брательника, участие в нашем карнавале она принимать отказалась категорически. На роль Снегурки она тоже никак не годилась, сама была на восьмом месяце. Помнится, успех у нашего двухголового Деда Мороза был потрясающий. По Сосновой поляне за нами ходила толпа праздничного народа, за-

казывали песни, поздравляли, пытались угостить. Все ждали, когда же мы свалимся окончательно. Одно плохо, детишек для вручения подарков приходилось вызывать на улицу, подняться по лестнице наша конструкция была не способна. Не помню, как дети, но родители были довольны, такого креативного Деда Мороза им встречать еще не приходилось. В том уходящем году была чернобыльская авария, народ шутил на тему, что наш двухголовый дедушка – это ее последствия. Каким-то образом мы умудрились попасть домой, как раз к новогоднему поздравлению советскому народу. Наверняка до дома помогла доплыть жена брата, мастер спорта по академической гребле. Почему-то запомнился синий пиджак Горбачева, цвета не обычного для генеральных секретарей. Руководители партии и правительства тогда предпочитали строгие черные костюмы. Нас это почему-то удивило и послужило последним поводом выпить еще. А в то место, где я планировал встретить Новый год, я, конечно, не попал.

Но вернемся в наше время.

По нашему маленькому домику, который активно борется за звание сумасшедшего, чем он, по сути, и является, гуляет главный врач со своей свитой. Сопровождающие в костюмах Деда Мороза, Снегурочки, лешего. Главный инженер в виде вампира, похож. Есть русалка. На первый взгляд смысл действия ясен, показать всем, как выглядят мудозвоны. До праздника вроде еще далеко. Забрывают в ординаторскую.

Оказывается, все сложнее – заставить сотрудников записаться на новогодний вечер, приходите, будет весело, явка для заведующих обязательна, остальные по желанию. К завтрашнему утру списки должны быть готовы. Дата обозначена, ресторан заказан, пути эвакуации продуманы, входной билет две тысячи, для членов профсоюза одна. Я не член профсоюза.

– Кто из вас пойдет? – Смотрит на график. – Прекрасно, у вас выходной, ждем.

Я бы, может, и пошел, но впереди три недели, эпоха. Как знать, захочу я выпить в этот день или нет? Может, и захочу, тогда вопрос – чего? Могу захотеть перцовки, могу зверобоя. Могу простой водки. Что, с собой приносить? Не серьезно.

– А почему ресторан заказали за городом? Оттуда и трезвому уехать проблема.

– Не волнуйтесь, обратно всех отвезут, автобус заказан. Тем более у вас там рядом дача, вот туда и пойдете с кем хотите.

– Предлагаете за день туда съездить, дом протопить? Да и чего-то не дешево для сельского-то ресторанчика. Тогда уж поехали лучше в Пушгоры, в ресторан «Лукоморье», там за такие деньги еще и по номерам разнесут в гостинице «Дружба». Я там был, хорошо помню. Вернее, хорошо, но не все. И народ там вежливый, привыкший, даже мы удивить никого не сможем. Не, мы уж лучше тихо, на отделении соберемся, посидим.

– Никаких чтобы на рабочем месте пьянок не было, даже после работы. До сих пор так никто и не признался, кто в прошлом году в актовом зале под пальму кучу наложил. Еще и бумажкой прикрыл, сволочь, подтерся. Как? При всех, и никто, главное, не видел.

– Извините, – говорю, – мне в операционную, зовут. Подумаю.

Хотел напомнить, как больница отмечала день рождения главврача. Заблевали всю лестницу у нашей двери, никто даже не ожидал, никто даже не мог себе представить отвратительного запаха выbleванных шпрот. Как-нибудь напомним, в следующий раз.

– Но смотрите, чтоб на собрании были все, в два часа.

– Будем.

Это мы понимаем, у нас без собраний никак. Пора подводить итоги, готовиться к годовым отчетам. Администрация обязана рассказать об успехах, достижениях, поделиться планами. Собрание короткое, часа на два. На повестке дня два вопроса:

1. Денег нет.

2. Денег не будет.

Больше можно ничего не говорить. Понятно, что не будет дополнительных отпусков, премий, лекарств и прочих мелочей. Странно, в декабре остался физраствор, молодцы, такое случается не каждый год. Из антибиотиков только ампи-

циллин. И странно – помогает. Бациллы, годами работающие над резистентностью ко всем антибиотикам, на которых не действует уже ничего, от предложенного ампициллинадохнут, просто не выдержав такой наглости. Как, кто посмел им такое предложить?

Не пошел я на собрание. Сказал, что собака рожает, соседи сверху залили квартиру и с утра придут мастера менять окна. Будет время, говорю, сами соберемся в неформальной обстановке, посидим, вспомним, что было интересного за год.

Самым, пожалуй, событием ярким был приход на отделение нового заведующего. Прежний заведующий-алкаш уволился, все ждали с нетерпением, что готовят нам на смену. Дождались. Но радость длилась недолго. Только стали присматриваться, изучать, появилась надежда: вот! Вот новый персонаж нашего эпоса. Стали записывать, фиксировать эпизоды, надеялись развернуть целое эпическое полотно... Но нет, сгорел наш новый герой, мелькнув метеоритом на сером питерском небосклоне. Не продержался и трех месяцев. Не оправдал надежд. История завершилась, так и не начавшись. Жаль... Остались только одни воспоминания и след в виде идиотских приказов главврача ужесточить учет психотропных препаратов. Которые, впрочем, уже никто не выполняет.

Попробуем разложить записи по порядку. Итак.

Пару лет у руля продержался известный в городе алко-голик, сотрудник кафедры анестезиологии нашего местного мединститута. Главврач долго колебался, брать или не брать на работу человека с репутацией более чем сомнительной, но отсутствие разума победило инстинкт самосохранения. Люди знающие говорили: хочешь проблем – бери его на работу. Несмотря на все предупреждения – взял, правда, с испытательным сроком. Проблемы начались сразу после его окончания. Даже не проблемы, а чудеса. Ну что может быть удивительней анестезиолога, который ползет по полу в операционной, пытается встать, хватаясь за стол, за лежащего на нем больного, путается в проводах, шлангах, падает снова, со стойки летит монитор, еще какая-то хрень, которая окончательно припечатывает эскулапа к полу. Результат: операция еще не началась, а операционная уже залита кровью. Хирурги бегут вниз, в реанимацию, гонит надежда отыскать трезвого анестезиолога. Находят. Но поздно, оперировать уже некого. Впрочем, у больного шансов выжить практически не было. Докладывали, сообщали. Рассказывали, как, накушавшись, заведующий пытался прямо в палате овладеть одной из медсестер, без предварительного флирта сняв с себя штаны и повалив ее на стол. Но сестры реанимации, привыкшие к проявлениям агрессии со стороны пациентов, не растерялись. Заведующий был аккуратно взят за гениталии и препровожден в кабинет, где и уложен спать с ласковым напутствием: «Спи, сука! Еще раз полезешь – оторву тебе все

к еб... матери!» Случай обсуждался, сестра, удостоившаяся чести поддержать руководителя за тестикулы, возмущалась: – «Да с его-то концом в мужскую баню ходить стыдно, только в льготный день для пенсионеров, а он ко мне (ко МНЕ!!!) полез! Тоже, еб... нашелся». Но главврач стоял на своем: – «Пусть работает!» Понятно, уволить – признаться в своем идиотизме. На такое способны только люди умные. Каждый раз выносилось очередное последнее китайское предупреждение, а поскольку их может быть много, ситуация вяло тянулась больше года. Зато каждый день – заряд позитива, утро начиналось с вопроса, а что еще наш учудил? Да так, ничего особенного. Ну а все же? Да вот, например, звонит вчера вечером одной из медсестер. Вместо приветствия из трубки мат:

– Я вашу старую пизду больше на хуй не пушу!

Отбой. Медсестра в недоумении. Утверждает, что ее пизда к нему на хуй не просилась. Да и почему старая? Она еще даже очень ничего... Ясно, заведующий на дежурстве в очередной раз нажрался, дело обычное. Одна была радость, что трубку случайно не взял муж. Недоразумение выяснилось наутро. Оказалось, что в отделении лежал сосед этой медсестры, а его супруга, придя навестить мужа, устроила скандал. Врач ей, видишь ли, не понравился, пьян был.

Товарищ слегка притормозил с пьянкой, когда во время одного из дежурств главный врач нашел его в чужой ординаторской часа в два ночи, спящим на полу в луже блевотины.

Тут, вероятно, появились серьезные сомнения в правильности выбора. И дело ограничилось не только очередным предупреждением, но и реальным прихватыванием за интимные места. В сейфе главного осталось подписанное заявление по собственному желанию без указания даты. Наконец заявление пригодились, и с алкашом расстались.

Среди своих врачей кандидатов не нашлось. Вернее, не нашлось желающих. Каждый, кого пытались принудительно заставить поруководить, клал на стол заявление на увольнение. Пришлось искать на стороне. Стоит ли говорить, с каким нетерпением все ждали появления нового руководителя. Интересно же, какой еще сюрприз нас ждет? Что может быть круче? Все были уверены, что уже ничего нас удивить не сможет. И наконец дождались...

Перед началом трудовых подвигов представление нового заведующего коллективу. Презентацией занимается лично главврач:

– Вот вам новый заведующий, молодой, энергичный. Он у вас наведет порядок. Требуется строгой дисциплины и соблюдения субординации.

В ответном слове новый заведующий обещает не подвести, оправдать оказанное доверие, проявить твердость и умеренную, но справедливую жесткость. И вот как-то сразу не сложились наши отношения. Чего потянуло за язык спросить, а как с нестоячим-то ты собираешься проявить твердость? Тут и не такие бывали, и подтверже, обламывались

быстро. Получаю очередное предупреждение от главврача, что когда-нибудь договорюсь. Предложено на меня обратить внимание особое, разлагаю коллектив.

Мир тесен. Народ быстро разузнал подробности трудовой биографии нового руководителя, почему-то (странно) ускользнувшие от внимания отдела кадров. Узнали, чей родственник, кто за него так настойчиво попросил, что главврач не смог отказать. Стаж работы чуть больше года? Прекрасно, достаточно. Опытный. Выплыл вообще интересный факт. Диплом у парня есть, институт окончил, но сертификат анестезиолога, похоже, куплен. Законным путем его получить он никак не мог, оказалось, что в свое время был выгнан из ординатуры, что не составляет труда выяснить, просто прочитав трудовую книжку. Случай уникальный, исключение из ординатуры невероятная редкость, но каким-то образом строгий инспектор отдела кадров оставил его без внимания. Никто не поинтересовался подвигами на предыдущем месте. А как потом оказалось, и на прежней работе в «подвигах»² был замечен, и не раз, за что и уволен. Хотя нет, надо отдать должное нашему отделу кадров, интересовались, позвонили на его прежнее место работы. Но там, узнав, что наше руководство хочет забрать его себе, быстро сообразили: вот он, шанс избавиться, и от радости дали такую прекрасную характеристику, что можно сразу в министерство,

² Подвиг – сленг, от слова задвинуть, двинуться, на языке наркоманов – ввести себе внутривенно дозу наркотика.

как минимум руководить комитетом.

Первый рабочий день. Первые слова, услышанные с утра от заведующего:

– А где туалетная бумага?

В ответ, естественно:

– Что, не успел прийти, как уже обоссался?

Быстро стал понятен интерес к постоянному наличию подтирочной бумаги в туалете. Стул у заведующего был частый и быстрый, попросту постоянный понос. Почему? Ну бывает, нельзя же смеяться над физическими недостатками, особенно такими мелкими. Деликатно сочувствуем, понимаем, жизнь и с регулярным стулом штука нелегкая.

Процедурная медсестра:

– Странно, пришел кровь сдавать на анализы, даже я с трудом у него вену нашла. Все руки исколоты. Спрашиваю, а вы что, астматик? Да, говорит, астма тяжелая, сотню раз в реанимацию попадал. Во дает! Куда он с такой астмой к нам? Тут же у нас сплошная зараза, одни аллергики.

Может, он специально такое место выбрал? Лучше поближе к реанимации быть, мало ли что, успеют помочь.

Через пару дней даже самые позитивно настроенные граждане стали сомневаться. А вообще, учился ли он в институте? Какие-то фантастические провалы в образовании. Решили, наверное, виновата астма. Постоянное кислородное голодание, гипоксия мозгам на пользу не идет. И ведет себя как-то необычно. То носится по больнице без всякой цели,

то сидит, часами смотрит в одну точку. Странно...

Вскоре предлагает мне написать заявление по собственному, расстаться по-хорошему, иначе... А что иначе? Послан был сначала в отдел кадров, посмотреть, есть ли его подпись под моим заявлением о приеме на работу. Когда оно писалось, говорю, ты еще читать не умел. Потому и под моим заявлением об увольнении твоей подписи не будет. А не хочешь сходить в кадры, сходи на х..., лучше не мешай работать. Один хер, ничего в работе ты не понимаешь. Сестры твоих назначений не выполняют, постоянно бегут советоваться. А как врачам отменять назначения заведующего, будь он трижды мудака? Неудобно.

На утро главврач устраивает собрание по вопросам соблюдения субординации. Наябедничал, сучонок. Оказалось, не только я его послал и не только другие врачи, но и сестры. Даже санитарка отметилась, в туалете за собой говно не слил. Прослушали очередную лекцию о субординации, о взаимоотношениях в коллективе.

Собрались мы в курилке, думаем. Что-то надо делать. Парень, говорю, явно не в адеквате. А почему? Давайте думать, у кого версии – излагайте. Так и не пришли к консенсусу. Кто-то высказывает мысль о наркотиках. Да не может быть! Наркоты у нас море, любой наркоман в первый же день, обсадившись, уйдет в вечную нирвану. Может, синтетика? Только странного действия, похоже на какую-то смесь амфетаминов и слабительного. Когда безумствует, зрачки широкие, и

при этом понос. За неделю ушел годовой запас лоперамида, утро начинается с приема целой упаковки. Но лоперамид помогает не сильно. Разве что позволяет успеть сделать прыжок в сторону туалета. Один из сортиров мы даже договорились держать постоянно свободным, с открытой дверью, мало ли что. Санитарка ругается: «Опять заведующий все стены в туалете обосрал! Вы же врачи, сделайте что-нибудь!» В общем, страдаем от своего невежества, особенно в вопросах наркологии. Решили, тут явно какая-то дурь, поскольку как еще объяснить все странности поведения одной причиной? Ладно, подождем. И тут случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.